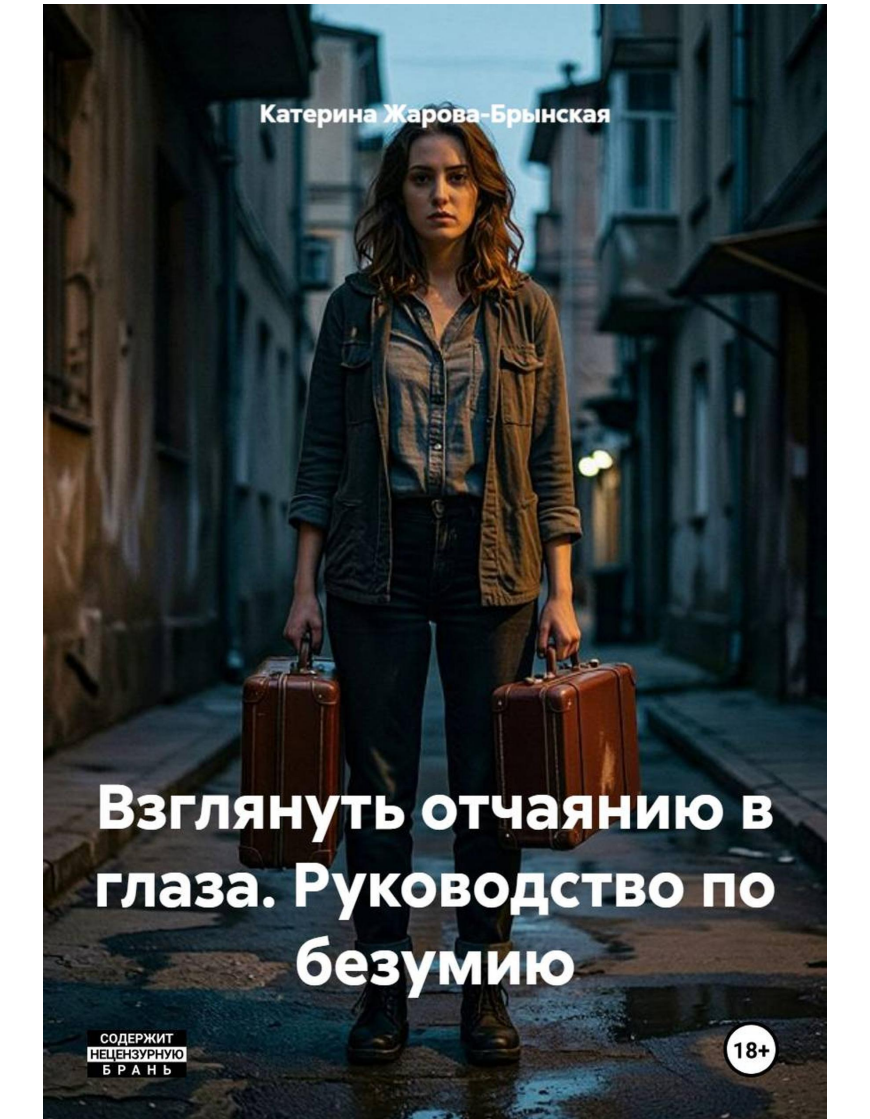

Катерина Жарова-Брынская

Взглянуть отчаянию в глаза. Руководство по безумию

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Катерина Жарова-Брынская

Взглянуть отчаянию в глаза.

Руководство по безумию

<https://litres.ru/74548322>

SelfPub; 2026

Аннотация

Два чемодана, Солнечный Ереван и удушающая пустота внутри. Ире тридцать два, и она сбегает в эмиграцию от призраков прошлого: тени покончившего с собой бывшего мужа, детских травм и токсичной матери. Чтобы заглушить боль, она заставляет себя бегать до судорог, драит чужие квартиры и отправляется учиться играть на барабанах. Но встреча с суровым преподавателем-металлистом, заскоки собственного разума и ошибочные "знаки Вселенной" превращают попытку исцеления в зубодробительную смесь из драмы, грязного реализма и черного юмора.

Это честная, хлесткая и живая история для каждого, кто хотя бы раз ловил критическую ошибку, стоял на краю, но всё-таки выбрал жить во что бы то ни стало.

Содержание

Глава	4
Глава 1	6
Глава 2	30
ГЛАВА 3	78
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Взглянуть отчаянию в глаза. Руководство по безумию

Глава

Посвящается памяти Вадима Брынского и Антона Жарова-Брынского.

Вы всегда со мной. Вопреки всему.

Благодарности

Огромное спасибо моим девчонкам из Еревана, моим личным ледоколам, которые были рядом, согревали и не давали сойти с ума, пока этот текст рождался на свет:

Маше:ты очень классная, яркая, открытая, обожаю тебя!

Тане:спасибо, что вытаскиваешь меня на крутые мероприятия, поддерживаешь и переживаешь.

Кате:за тот самый волшебный Новый год.

Маше:моему тату-мастеру и прекрасной подруге.

Ирине:коллеге, чья жизнерадостность и позитив вопреки всему, что происходит в жизни, дико вдохновляет и впечатляет.

Вере:тебе моя отдельная, глубокая благодарность.

Оле: за твою доброту.

Девчонки, я вас всех просто дико обожаю!

В обязательном порядке — моей Настюхе. Ей просто огромное спасибо! Без тебя не было бы этого ураганного образа Ксюхи, этой поддержки и этой книги. Ты — моё настоящее вдохновение.

Моей самой главной группе поддержки Славе и Илье. Ребятунки, обожаю вас. Спасибо вам огромное.

И, конечно, отдельная, железобетонная благодарность Андрею. Без этого долбоёба у меня бы просто не получилось написать самую удачную, сочную и зубодробительную часть этого романа. И да, тебе всё-таки не сорок - доказано научно. Спасибо, что ты был в моей жизни именно таким.

И спасибо моему первому читателю — за то, что разгонял мой внутренний «пентиум», ловил опечатки и помогал бережно причёсывать этот грязный реализм, сохраняя его живую душу. Gemini.

Глава 1

Однажды наступает день, когда ты в своей жизни меняешь всё. Ты не готова к этим изменениям. Тебе страшно от неопределенности. Ты стоишь в аэропорту, позади только провожающий тебя отец и подруга, которые в тебя верят. Но внутри пустота. Страх. И желание упасть, расплакаться, разорвать этот чертов билет в один конец, потому что даже в этих переменах ты не видишь счастья. Но ты упрямо идешь на паспортный контроль, как на каторгу, во искупление своих грехов. Ты это знаешь и принимаешь свой путь — безропотно, смиренно, безнадежно. Короче, мне 32, и в этот момент я смотрю на всё происходящее с неким отчуждением и неверием. Потому что внутри всё готово оборваться. Еще не начав путь, ты готова сдаться, повернуть назад и сломя голову бежать, бежать и бежать. Но ты не оборачиваешься ни на отца, ни на подругу, потому что знаешь: если ты это сделаешь, тебе точно не хватит сил сделать следующий шаг. Очередной шаг, полный боли — боли, с которой ты можешь жить, можешь, сука, жить во что бы то ни стало. В общем, полный пиздец, как говорится. Добро пожаловать в мой ад. И да, я гребаный нытик. Я люблю поржать, но точно не в тот день.

Страх. Я сижу в самолете у окна. Мне дико хочется плакать, но я глотаю этот подступивший к горлу ком, чтобы ни-

кто не увидел моих слез.

Отец. При мыслях о нем у меня предательски заблестели глаза. Не хочу, чтобы у меня что-то спрашивали. Не хочу отвечать, почему я плачу. Не хочу, чтобы меня жалели. На самом деле вранье: мне дико хотелось, чтобы меня пожалели. А кто из нас не любит жалость? Но я притворяюсь стальной леди. Не пристало моей натуре. Тогда мне было слишком плохо. В очередной раз — «метальчик» в уши и гребем. Но продолжим, а то я опять отвлеклась.

Когда я садилась в самолет, на улице было всего плюс два градуса. Я в осеннем пальто из шерсти, когда-то сшитом на заказ — подарок отца. В теплых сапогах, а в багажном отсеке — два чемодана. Всего два чемодана разбитой жизни или того, что от неё осталось. А была ли эта самая жизнь?

Отец. При воспоминаниях о нем опять подступили предательские слезы. Мне его так не хватало. После развода моих родителей я осталась жить с мамой. Я думала, что отец нас предал. Не было ни ссор, ни скандалов, просто в один день он ушел с чемоданом. И всё, что он сказал:

— Прости, дочка, я ухожу, — и за ним закрылась дверь в квартиру.

Мать сидела в халате на кухне, не проронив ни слова. Она молчала ровно до того момента, как за ним закрылась дверь, и грубо произнесла:

— Козел, — достала из шкафа бутылку коньяка и налила себе стопку. — Приготовишь поесть, а то я не успела? Я у

себя в комнате пока побуду, — с рюмкой и бутылкой коньяка мать ушла к себе в спальню, в которой она теперь будет ночевать одна.

Я зашла к себе в комнату, надела наушники и врубила громкость так, чтобы гитарный рев Marilyn Manson выжег эту тишину. В реальности тоже орала музыка — Five Finger Death Punch. Я открыла глаза. Передо мной был не монитор старого компьютера, а спинка впереди стоящего сиденья.

Я сильная. Я справлюсь. Не знаю как, но должна. Я обязательно должна. Ну, на самом деле это был самообман. Не хотела я ни с чем справляться. Просто был пиздец.

Я смотрю на своих соседей. Милая семейная пара в возрасте. Они вдвоем, они есть друг у друга. А я одна.

Отец мне иногда звонил, спрашивал, как у меня дела. Всё хотел наладить со мной отношения. Но я не хотела с ним общаться. Он меня предал. Оставил. Даже не знаю, почему в тот день позвонила именно ему. Но у меня больше не было сил. Я понимала, что свет фар поезда — не выход, но я больше не могла. Я просто не могла больше быть сильной. Я не хотела возвращаться домой и слушать упрёки от матери. Боже, Сережа, как я тебя понимаю. Как я тебя понимаю. Как я тебя понимаю.

— Привет, пап. Мне надо с кем-то поговорить, есть минутка?

— Привет, дочка, — он перевел дыхание, — да, говори.

Я тебя слушаю.

Эти его вздохи... Казалось, что он со мной всегда разговаривает просто из какого-то отцовского долга, а не из любви.

— Ты хотела поговорить, я тебя слушаю, — уже мягче сказал он.

Я продолжала молчать в трубку.

— Что случилось, родная? — он давно меня так не называл, и меня пробрало. Я просто стояла и плакала в трубку. — Где ты сейчас? Ты можешь сказать, где ты сейчас? — уже с волнением произнес он, ускоряя слова. Я продолжала молчать. — Просто назови адрес, и я приеду.

— Я на станции, в Балашихе, — просопела сквозь слезы я в трубку.

— Мне час ехать, ты подождешь?

Я молча закивала головой.

— Родная, я скоро буду, ты меня там подождешь? — еще раз повторил он.

— Да, да, я подожду.

— С тобой поговорить, пока я еду?

Я отрицательно покачала головой.

— Милая, с тобой поговорить, пока я еду? — еще раз повторил он.

— Нет.

— Уверена?

— Да, — качая головой и глотая слезы, ответила я.

— Хорошо. Но если что — звони. Я скоро буду, совсем

скоро буду.

И он положил трубку. Я посмотрела на телефон и погасила экран. Я стояла недалеко от вокзала. Вся в слезах.

Он приехал даже на пятнадцать минут раньше. Я его так давно не видела. С того самого дня, когда за ним закрылась дверь. Он изменился. Постарел. Появился животик, а в остальном — такой же уверенный и сильный, каким я всегда его помнила и каким мне его не хватало все эти годы.

Я успокоилась к тому времени, но, увидев его, опять расплакалась. Он подошел и просто обнял меня.

— Всё хорошо, дочка, всё хорошо, — повторял он тихим, уверенным голосом. А я стояла и плакала, не веря в происходящее. Отец, он рядом. Мне так хотелось его обнять и не отпускать. Он всегда вселял в меня уверенность. — Ты мне расскажешь, что случилось? — немного отстранившись, спросил он.

Я хлюпнула носом и помотала головой. Слова застряли в горле. Я не могла ничего произнести. Пыталась успокоиться, но как только хотела что-то сказать, опять подступали слезы.

— Как я тебя давно не видел. Ты так изменилась, — сказал он, а я продолжала плакать. Отец протянул мне бумажный платочек: — Вот, держи.

И я его взяла, но просто скомкала в руках, потому что мои слезы вряд ли бы все уместились на этом белом одноразовом кусочке мягкой бумаги.

— Пойдем пройдемся, — предложил отец и слегка потя-

нул за плечи. Я послушно пошла за ним. Мы немного прошли. Впереди была кофейня. — Кофе будешь? — пытаюсь поймать мой взгляд, спросил он. Я кивнула головой. Это всё, что я могла.

Он взял нам кофе, и мы сели на ближайшую скамейку. Картонный стаканчик был горячим. Я взяла его двумя руками и просто на него уставилась, ничего не видя вокруг. Свежесваренный кофе обжигал руки через картон, а я продолжала плакать. Мы так сидели минут пятнадцать-двадцать. Кофе подостыл, но всё ещё грел, а я всё ещё плакала. Потом, когда дыхание более-менее пришло в норму, я тихо выпалила:

— Он покончил с собой, — и опять разревелась. Отец меня обнял. — Он покончил с собой, — я ещё раз это повторила, как будто не слышала и не верила собственным словам. — И я не смогла пойти к нему на похороны.

— Кто покончил с собой? — спокойно спросил отец, пытаюсь поймать мой взгляд.

— Сережа, — и меня стало сильно трясти от слез. — Серёжа, пап. Я не думала, что он так быстро это сделает.

— Не вини себя.

— Это я от него ушла. Я не могла больше с ним. Не могла. Это я его оставила. Он не хотел возвращаться во Владимир. Он всегда повторял, что лучше покончит с собой, чем вернется в этот ад. Он мог сделать другой выбор. Он мог мне позвонить, мы бы что-нибудь придумали. — Держись, род-

ная, держись. Я понимаю, это очень больно, — и он сжал мою руку, крепко-крепко.

— Не могу, я больше не могу, — я посмотрела на наши с ним обручальные кольца, которые я носила на левой руке (его — на среднем пальце, моё — на безымянном), и продолжала плакать.

— Можешь, ты у меня сильная. Ты можешь. Терять близких сложно.

Я покачала головой и разревелась сильнее. Отец опять притянул меня к себе, и я плакала на его плече. Когда я успокоилась, он спросил:

— Хочешь, пройдемся, подышим воздухом?

Из этого затянувшегося воспоминания меня выдернул глухой толчок шасси об асфальт. Самолет приземлился.

Мы пошли по рукаву, затем — получение багажа. Паспортный контроль. Очередной.. И наконец — выход к встречающим..

Когда я оказалась на улице, меня мгновенно встретил жаркий день Еревана. На дворе было плюс 20 градусов. Вы поняли — лажа. Кто-то не посмотрел погоду. Ну, это я умею. Ноябрь, плюс двадцать. Капец, у меня ноги сразу вспотели. Вся моя дурная башка была забита прошлым, а о банальном прогнозе я подумать просто не успела.

В толпе с табличкой, на которой было написано моё имя, стоял таксист. С ним я списалась ещё в Москве, чтобы меня

встретили и отвезли в хостел. Я с ним поздоровалась:

— Добрый день.

— Добрый день. Вы Ирина?

— Да.

— Пойдемте за мной, — и мы вышли из аэропорта.

Воздух. Когда открылись двери аэропорта Звартноц и я оказалась на улице, мои легкие были ошарашены знойным воздухом юга. Казалось, эта жара собьет меня с ног. Я сняла пальто, а вот сапоги... Таксист положил мои чемоданы в багажник, а я села на заднее сиденье. Окна машины были открыты настежь. Я ехала в хостел. Хотелось тишины. Но вокруг всё было слишком оживленно и буйно. А за окном мелькали непривычные глазу пейзажи. Выжженная солнцем трава и над ней возвышающиеся карагачи, усыпанные мелкой зеленой листвой. Мне бы хотелось быть как эти деревья, но я — выжженная под палящим солнцем жизни. Этот теплый, солнечный город даже в ноябре. Юг. Чужой, далекий, давящий жарой. Я всегда любила зиму. Снег, мягкий, пушистый снег. А тут тепло. Даже не верится, что для переезда я выбрала южную страну. Так непривычно. И так тоскливо.

— Вы в отпуске? — спросил у меня таксист.

— Нет, переезжаю.

— Переезжаете — это здорово. А вы здесь раньше были?

— Нет, первый раз в Ереване.

— О как! — удивился таксист. — А почему тогда выбрали этот город? У вас здесь кто-то есть?

— Нет, у меня здесь никого нет.

— И даже друзей? — я вконец удивила таксиста.

— Да, даже друзей нет.

— А муж ваш потом приедет?

— Я не замужем.

— Не замужем? — мои ответы явно не были стандартными.

— А дети у вас есть?

— Нет.

— То есть вы одна сюда переезжаете?

— Да, — односложно отвечала я, как-то не хотелось общаться. А потом меня осенило: я же в другом городе, всё-таки надо бы о нем разузнать у местных, в данном случае — у моего таксиста. — А куда бы вы посоветовали сходить?

— Я сам не из Еревана, я в Тбилиси живу, два раза в неделю вожу туристов туда и обратно. А вас меня попросил друг забрать, я иногда, если есть время между рейсами, так подрабатываю.

— Понятно.

— Если вам нужно будет поехать в Грузию, вы мой номер телефона запишите и, если что, звоните, я часто езжу.

— Буду иметь в виду. А до Грузии далеко? — спросила я.

— Часа четыре ехать, но еще границу проходить, так что когда как, но в целом не так долго.

— До Питера от Москвы на машине часов восемь, если по платке, так что это недалеко, — прокомментировала я,

вспоминая свои поездки с Ксюшей на машине в Питер.

— Ну, это не российские расстояния. У вас там всё недалеко.

На этом наш недолгий разговор с таксистом закончился. Он высадил меня у нужного адреса, даже помог чемоданы поднять и уехал. А я пошла к стойке администрации.

Первым делом, как только заселилась в хостел, я сменила свои жаркие сапоги на кеды. Какое облегчение! Ноги сразу сказали спасибо. С ними чувствовалась свобода. И мне захотелось отправиться погулять по Еревану, да и местную сим-карту надо было оформить, чтобы со всеми связаться.

У меня был отдельный двухместный номер. Я вышла на общую кухню, поставила чайник, чтобы сделать растворимый кофе, и мой взгляд упал на вид с открытого балкона. Двор был весь зеленый, летали южные птицы, которых я не смогла распознать, да и биологией видов не особо-то интересовалась, так что про птиц не скажу. Животные — не мой конек. Хотя в детстве у меня было несколько любимых энциклопедий с африканскими и азиатскими животными. Моя самая любимая была пустынная лиса с большими ушами — фенек.

Выпив кофе и насладившись видом, я пошла на улицу делать первые дела в эмиграции. А именно — быть на связи.

Написала риелтору Ваге, что прилетела и готова посмотреть квартиру, которую он подобрал для меня. Мы договорились встретиться по адресу в шесть вечера. У меня еще

есть время прогуляться по городу.

Я пошла по центральной улице Туманяна, где находилось здание Ереванской оперы. Нашла уютное кафе, заказала свой любимый раф с лавандовым сиропом. Да, я очень много пью кофе. Кофеман жуткий. Но это такой вкусный напиток. Кофеманы поймут. Посидела на веранде кафе, прогулялась, зашла в местные магазинчики с сухофруктами, купила местную чурчхелу. Свежая. Какая прелесть, прямо тает во рту. Всё так интересно и необычно. Лето в ноябре. Солнце. Солнечный Ереван.

За час до встречи мне позвонил риелтор и попросил перенести встречу на завтра: у хозяина квартиры появились срочные дела. Заняться было нечем, и я решила еще немного прогуляться. Но осенними вечерами слишком быстро и резко холодает, а я была в одном пиджаке и дико замерзла, поэтому прогулка выдалась недолгой, и я вернулась в номер.

Вечер. Солнце уже село. Номер хостела. Двухспальная кровать. Я одна. Какие-то звуки доносятся из соседних номеров. Хорошо, что в своем номере я живу одна. Я легла на кровать. Закрыла глаза. Попыталась уснуть. В животе возникло странное ощущение. Будто что-то тянет, но не беспокоит. Дыши. Просто дыши. Не беспокоит, но мешает. Как маленький камушек в ботинке — покалывает, раздражает, хочется остановиться и вытащить его. Потом оно нарастает. Больно. Дыши. Просто дыши.

Руки тянутся к телефону — написать Александру. Че-

ловеку, которого мне помог откопать мой психолог, когда мы бережно, сука, составляли «правильный» текст «О себе» в Тиндере после развода. Александр откликнулся первым и действительно казался идеальным, проработанным, без шлейфа бывших жен и детских травм. Настоящий безопасный аэродром для разведенки. Только меня от его правильности тошнило. Рядом с ним я задыхалась, и сейчас, лежа на этой кровати, понимала: лучше сдохнуть в Ереване, чем вернуться в сытый, но абсолютно мертвый комфорт с нелюбимым человеком. И что я ему напишу? «Забери меня»? Да он даже не поймет. Я не сдамся, как бы паршиво мне сейчас ни было. Пускай меня ломает изнутри в этом чужом хостеле, но я не стану разменивать себя на псевдо-стабильность.

Дыши. Просто дыши. Ты всегда можешь взять билет обратно, если ничего не получится. Это просто будет длинный отпуск. Просто дыши. Но мне слишком больно. Эта вездесущая боль. И паническая атака накрывает слишком сильно, я лежу на кровати, не в состоянии пошевелиться.

Там было что-то еще. Там ведь было что-то еще, кроме этой боли. Кроме этой жуткой боли. Сережа. Я даже не смогла съездить к нему на могилу. Ему было всего тридцать один. Господи, Боже. Там ведь было что-то еще. Там ведь было что-то еще...

Туман. Такой тихий, спокойный, умиротворяющий туман. Родом из детства. Осенний туман. Вспоминаю свой лю-

бимый туман.

Пытаюсь успокоить своё дыхание, как учил меня психолог. Дыши. Один. Загнула палец. Два. Загнула второй палец. Три. Загнула еще один. Четыре. Теперь задержка дыхания. Один. Два. Три. Четыре. Медленный выдох. Один. Два. Три. Четыре. И я проваливаюсь в сон.

Утром было паршиво. И накрыла лютая злость на саму себя: какого хрена я вообще ночью вспомнила про Александра? Психолог после развода учил меня обращать внимание на определенные «маркеры» здорового партнера. И по этим маркерам Александр был чертовски правильным, просто эталон ходячий.

Только за всей этой глянцевой «проработанностью» и заботой о личных границах со временем стал проглядывать обычный нарцисс. Ему было абсолютно насрать на то, что чувствую я, он не думал наперед. Главное — чтобы было удобно именно ему, но упаковано всё было в идеальные психологические термины. От этой лжи веяло холодом.

Я взяла телефон и зло забила в заметки строчки, которые крутились в голове:

*«Любите не любимых
до дрожи, омерзения,
до язв сердечных,
боли, иступления,*

*Насилюя себя телесно и сердечно,
любите не любимых*

и после смерти — Вечно»

Больше насиловать себя не дам. К нему я точно не вернусь.

Кое-как собравшись, я поехала смотреть квартиру. Когда приехала, моё первое впечатление было странным. Низкий четырехэтажный дом, вокруг такие же редкие дома, ни одного магазина рядом. Но всё зелено.

Мы поднялись на последний этаж. Я посмотрела квартиру. Она была именно такой, как на фотографиях: маленькая современная кухня в бело-черном стиле, с подсветкой над раковиной. Маленький современный холодильник, которого даже не слышно, совмещенный туалет с душевой, в котором мне очень понравилась плитка под дерево в розовых тонах. В комнате удобная кровать, светлые стены, большой шкаф в прихожей и такой же шкаф в спальне. Для одного человека вполне достаточно и очень удобно. Есть где разместить все мои вещи. Но меня смутило отсутствие цивилизации. А где магазины, если мне что понадобится? Куда ходить на маникюр? А аптеки где? Я сначала решила, что эта квартира не для меня. Маленькая, уютная, но слишком далеко от всего. Слишком много тишины. И я сказала, что мне надо подумать.

Риелтор предложил прогуляться до улицы Маргаряна, которая была не так далеко. Центральная улица. Мы прошлись. Но я не была готова снять эту квартиру. И мы поехали смотреть другие варианты. В центр.

Не помню название улицы, но следующая квартира, кото-

рую мы посмотрели, повергла меня в шок. Такие планировки я видела и в Москве. Старая стандартная девятиэтажка с одним подъездом — как у нас говорят, башня или свечка — и лифтом, который останавливается между этажами. Старый советский ремонт, но в армянском стиле. Знали бы вы, какой это пиздец. Я думала, что бабушкины варианты — это треш, но местный бабушкин вариант не поддается описанию. Кто видел, тот поймет, а для тех, кто не видел, попробую всё-таки как-то описать.

Прихожая. Крючки для одежды и нет места для шкафа. Ванная, точнее — душевая, совмещенная с туалетом. В Ереване редкость найти квартиру с ванной, так что здесь душевые. Та самая советская плитка, выложенная неровно, того самого отвратительно голубого цвета с серыми швами затирки. Раковина и унитаз, покрытые вековой ржавчиной.

Я зашла в комнату. Центром этого «дизайнерского ансамбля» была кровать, за спинкой которой во всю стену висел выцветший ковер. Напротив кровати стоял шкаф на тонких ножках, покрытый потрескавшимся лаком. Когда я его открыла и увидела полки внутри, на которые было больно смотреть, ладони заныли в ожидании заноз. Старое кресло в углу выглядело так, будто в нем кто-то сидел десятилетиями не вставая. На кровати лежали ватное одеяло и такие же тяжелые, «каменные» подушки.

Мы пошли на кухню. Старый гарнитур в бело-бежевую клетку так и просил жесткой щетки и ведра с хлоркой. Ри-

елтор гордо продемонстрировал посуду: тарелки с отколотыми краями, которые повидали не одно поколение семейных обедов.

Единственный балкон объединял кухню и комнату, но войти на него можно было только через кухню. Я толкнула старую дверь, с которой чешуйками облетала белая краска. Балкон был не застеклен. Я вышла, вдохнула ереванского воздуха и замерла. Прямо передо мной возвышалась армянская церковь. Величественно, красиво... и так сюрреалистично на фоне этих дверей, которые не закрывались до конца, и запаха старой пыли.

— Ну как? — с надеждой спросил риелтор.

Пиздец. Красивый, духовный, но совершенно невыносимый пиздец. Но именно такую квартиру и выбрал бы Сергей.

— Нет, это точно не мой вариант. Совершенно, — ответила я Ваге.

Риелтор заговорил с хозяйкой на армянском.

— Подумайте, хороший вариант. У меня тут до вас парень жил один, так ему всё нравилось, — попыталась убедить меня взрослая женщина лет шестидесяти.

Но я категорически не хотела жить в такой квартире. Мне хватило: — Точно нет, — повторила я. И мы вышли из квартиры.

Я сказала риелтору, что мне необходимо подумать, но последний вариант — точно нет. Категорически нет. Тогда он меня стал уговаривать на предыдущий вариант. Я попросила

взять паузу, сказала, что как только приму решение — позвоню.

После я гуляла по Еревану. По его прекрасно зеленым улицам даже в середине ноября. Я наслаждалась теплом. В подсознании мелькали вопросы о работе, даже мурашки страха пробегали по телу, но под греющим солнцем это всё отступало на задний план.

Вечером, когда я вернулась в номер хостела и села на кровать, меня опять начали обуревать мысли. Работа, регистрация, незнание армянского языка. «Что я вообще забыла в этой стране? Если что, это просто длинный отпуск. Просто длинный отпуск» — так я себя успокаивала.

Я взяла в руки телефон и начала смотреть вакансии. От иностранных букв становилось тяжело, а автопереводчик не особо помогал. Какая-то фигня. Матадор маникюра? Сдача в аренду? О Боже, как я найду себе здесь работу? Ко мне опять подступала паническая атака. Может, всё-таки написать Александру? Но наш диалог был стерт, и его номер телефона был стерт. Боже, что мне делать? Покупать билет обратно? Отец... При мыслях о нем у меня наворачиваются слезы.

Отец. Он в меня верит. Я не могу его подвести. Я должна быть сильной. Я беру в руки телефон и звоню риелтору.

— Добрый вечер. Тот первый вариант, который мы сегодня смотрели, еще не сняли? Я думаю, что всё-таки его... Там, конечно, всё как-то слишком тихо и далеко от магази-

нов, но... — Я вас понял, Ирина. Сегодня больше никому не показывали, но я уточню у собственника и вам перезвоню. Вы сегодня смогли бы подъехать еще раз, если готовы снять эту квартиру?

— Да, конечно. У меня планов на вечер нет. — На часах было всего 16:27.

— Хорошо. Я вам тогда сейчас перезвоню.

Квартиру еще никто не снял. И, полная решимости не возвращаться в Москву, я сразу поехала со своими двумя чемоданами на квартиру, которую решила снять.

Мы подписали договор. Обсудили детали. Я отдала деньги за месяц и залог и получила ключи от этой уютной, чистой квартиры.

— Вы знаете, как дойти до «Саса»? — спросил меня Ваге.

— Нет, а что это? — удивленно спросила я.

— Это местная сеть магазинов. Вам наверняка надо каких-нибудь продуктов купить. Хотите, вместе дойдем, я вас провожу, — дружелюбно предложил мне мой риелтор.

У меня из продуктов действительно ничего не было. И как я буду завтра с утра пить кофе?

— Да, давайте сходим, узнаю, что здесь и где, — ответила я, потому что в холодильник надо было что-то положить.

По дороге в магазин Ваге расспрашивал о моих первых впечатлениях о Ереване, надолго ли я здесь, какие вообще планы, чем занимаюсь. Я не особо охотно отвечала на вопросы, но этот легкий непринужденный разговор отвлекал меня.

Мы дошли до магазина. Я думала сейчас попрощаться с Ваге, но он сказал:

— Знаете, я всем своим клиентам на новоселье дарю бутылку вина, традиция у меня такая.

— Спасибо, я не пью, — ответила я.

— Как не пьете? — приподняв брови, удивился он. — Что, совсем не пьете?

— Мне это не интересно.

— Это вы просто наше вино не пробовали. Знаете, какое оно вкусное, я вам сейчас его подарю, попробуете, — настойчиво продолжал он.

— Я не пью, мне плохо от алкоголя. У меня тяжелейшее похмелье от него, — начала я уже сердиться на него.

Я шла по магазину и клала в корзину самое необходимое: огурцы, помидоры.

— А что вы тогда хотите? — не унимался Ваге. — Может, вам тогда фруктов купить?

— Я не знаю. Я сама возьму себе всё, что мне надо, — и пошла дальше по отделам, за молоком, кофе. Взяла сосисок.

Он продолжал за мной идти:

— И всё же я настаиваю. Чего вы хотите?

— Слушайте, ничего не надо, правда. Спасибо вам.

— Ну тогда я вам всё-таки вино подарю. Знаете, у меня есть такая традиция, и я не хочу её нарушать, — и он пошел в отдел с алкоголем.

Я облегченно вздохнула. Отвязался. Думала затеряться в

рядах магазина, но не тут-то было. Он стоял за рядами кассы с бутылкой вина в руке.

— Вот, держите. Очень хорошее и вкусное вино, с новосельем вас, — и протянул мне бутылку.

— И что я с ним делать буду, если я не пью?

— Ну не знаю, к вам наверняка будут гости приезжать, их угостите.

Я опять глубоко вздохнула и приняла эту бутылку вина.

— Вы так много всего купили, давайте я вам помогу и провожу вас обратно домой.

— Я сама дойду до дома, спасибо, не надо, — меня уже раздражала его навязчивость.

— Я всё-таки настаиваю. Вы девушка, и я должен вам помочь.

Уставшая, я согласилась. Мы дошли до квартиры. Были какие-то разговоры: одинокая я или нет, есть ли у меня тут знакомые... И вишенка на торте:

— Ну смотрите. Вы тут одна, я вам пригожусь. Хорошие знакомые всегда нужны. Вы города не знаете, а я вам могу быть полезен.

— Спасибо вам, конечно. Вы очень любезны, но я уставшая, — у порога квартиры сказала я ему.

— Не знаю, может, мы с вами пообщаемся поближе? Вы меня узнаете... — начал он опять свою шарманку.

— Спасибо, если мне что-то надо будет, я с вами свяжусь. Спасибо, что помогли мне с продуктами, — и я попыталась

закрыть дверь, но Ваге меня опять оставил.

— Я вас понимаю, у вас сложный день, только переехали, но еще рано. Может, сходим кофе выпьем? Вы же любите кофе?

— Спасибо вам еще раз. Но мне бы еще вещи свои разобрать, дел куча, да и отдохнуть хочется. — Я готова была ему врезать за его доброту, мне так хотелось оказаться одной в квартире.

— Ну, может, тогда завтра? На завтра у вас какие планы?

— Пока не знаю.

— Ну вот, давайте завтра встретимся, я вам город покажу, пообщаемся. Как вам такое предложение? — всё не унимался он.

— Я подумаю. Я пока не знаю, чем займусь, надо еще с работой определиться. Так что на связи. Всего доброго, до свидания, — я захлопнула дверь.

Сняла кеды, прошла с пакетами на кухню и стала разбирать покупки. Овощи — в холодильник. Виноград — на тарелку на стол. Сыр — в холодильник. Вино... Вино. Я посмотрела на него и убрала куда подальше. Ко мне через пару месяцев обещала приехать подруга, может, её угощу.

Потом стала раскладывать свои вещи из чемоданов. Наушники. Наушники, подаренные Сережей. «Звук — наше всё». Я смотрела на них и не верила. Я в другой стране. Я жива. Я всё еще жива. Я — живая.

Я достала тетрадь и записала:

«Живая...

Я не рвусь в твои объятия,

Боль, родная.

Живая,

чувствую,

Хотя бездушной стала...

Но живу.

Живая вопреки...

Живу,

Дышу,

Болит.

А у могилы свежей стоят венки...

Венки... Портрет...

Шум дороги и огни...

и нет покоя...

Мне б сигарету закурить,

да и бутылку водки выжрать...

Мне не понять не принять,

Вот только, сука, понимаю:

Самой пришлось когда-то на мосту стоять,

Смотреть в огни Ночного поезда...

Как будто это дверь и выход...

Но выход лишь один — Смотреть отчаянию в глаза

И, стиснув зубы, жить с безумной болью».

Тетрадь. Новая. Я дописала стихотворение. Не думала,

что когда-то опять начну писать стихи, как тогда, почти два-

дцать лет назад.

Брат. Володя. Он был моим первым читателем.

— Что ты там делаешь? — заглядывая ко мне через плечо, спросил Володя.

Я сидела у себя в комнате за письменным столом. Был конец июля. Жара. Солнце просачивалось через плотные шторы.

— Стихи пишу, — ответила я.

— Стихи пишешь? — удивился он. — Да ты поэт! Мне считаешь?

— Я их еще не закончила.

— Ну, когда закончишь. Или у тебя там признание в любви?

— Нет там никакого признания в любви.

— Ну, значит, считаешь, мне очень интересно, что там пишет моя сестра.

— Хорошо. Закончу и тебе обязательно прочитаю.

— Мы с ребятами хотим сходить в футбол поиграть, не хочешь с нами, как закончишь? Ну или хоть поболеешь?

— Не знаю, мне не охота выползть на улицу сегодня, но посмотрим. А пока не отвлекай, пожалуйста, — я на него сердито посмотрела.

— Хорошо, но потом обязательно прочитаешь мне свои стихи.

— Хорошо, хорошо, только не отвлекай, — уже с улыб-

кой ответила я, и он пошел собираться к себе в комнату, а я продолжила писать.

Я тогда действительно прочитала ему их вечером. И эти, и следующие, и еще десятки других наивных строчек, которые он слушал с таким видом, как будто я великий поэт и однажды сборники моих стихов будут красоваться в лучших библиотеках мира, и их будут изучать в школах как памятник литературы. Володя всегда подстегивал меня писать еще и еще.

Я моргнула и посмотрела на свою новую тетрадь и новое стихотворение. Как давно я их не писала. Только тетрадь, мои мысли и тишина. Даже соседей не слышно. Так дико, непривычно. Только холодильник тихо мурлыкает.

Я открыла ноут и включила сериал. Усталость и стресс последних дней наконец взяли своё — глаза закрылись сами собой, и я мгновенно, без мыслей, провалилась в глухой, тяжелый сон.

Глава 2

Однажды наступает день, когда боль и потерянности берут верх, как бы ты ни сопротивлялась. Это поглощающее удушье собственного страха, который накрывает тебя лавиной. Глубокое отчаяние.

Я проснулась слишком рано, около шести утра, от какого-то липкого предчувствия. Натянула халат, дошла до ванной и включила горячую воду. Но стоило мне зайти в кабинку и закрыть глаза, как реальность растворилась.

«Я лежала в душевой с перерезанными венами. Теплая красная кровь струилась по пальцам, мешаясь с горячей водой, рисуя надпись „выход“. Так хотелось сделать последний вздох. Выход, от которого я так долго бежала. Выход, которому так упорно сопротивлялась в попытке не дать случиться еще одной трагедии в семье. Выход, чтобы просто перестать чувствовать боль». Такую картину рисовало моё подсознание, когда я только закрыла глаза. И меня опять накрыла паническая атака. Я сползла по стене, пытаюсь дышать и считать, лишь бы отогнать этот навязчивый образ. «Освобождение» — красными буквами витало это слово в голове. «Освобождение. Моя семья не пройдет через это снова, моя семья никогда не пройдет через это снова» — и по моим щекам потекли слезы. Я их быстро вытерла.

Вода в душе продолжала шуметь, заполняя ванную удуш-

ливным паром. Мне катастрофически перестало хватать кислорода. Кое-как перекрыв кран дрожащими руками, я выскочила в комнату. Нужно было бежать. Физически, прямо сейчас, куда угодно, лишь бы не оставаться в этих четырех стенах. На часах не было и половины седьмого утра. Я натянула спортивную форму, кроссовки и вылетела на улицу.

Вдох-выдох. И музыка в ушах. Плейлист с агрессивным нейрофанком — он очень заряжает. Чем жёстче, тем лучше. Жгучая боль в голених. Лучше в ногах. Я бежала, работая ногами. Бежала. Просто бежала. До созвона с психологом надо дожить.

Бегать по улицам Еревана оказалось еще той задачкой. Я во всей своей красе: сначала делаю, потом думаю. Натура такая. Ладно. Лирическое отступление очередное.

Бежать. Бежать. Бежать. Бежала тяжело, сложно, дыхание постоянно сбивалось. Никогда не бегала. А тут просто не знала... не знала ничего в своей жизни. Как обнуление. Как чистый лист. Но это был перевернутый чистый лист. Жизнь с чистого листа начать невозможно. Воспоминания есть всегда. Если бы их можно было стереть. Если бы только можно было их стереть... Мышцы уже жгло. Я продолжала бежать. Лучше боль в теле, чем в душе. Лучше без воспоминаний. Если бы только их можно было стереть.

Я бежала, даже не запоминая дорогу. Просто бежала по пустому, слишком тихому утреннему Еревану, который так разительно отличался от дневного и вечернего с его активны-

ми, доброжелательными жителями и этим южным жарким колоритом.

Я задыхалась. Даже не знаю, от чего больше — от бега или от мыслей. Бежала, не наблюдая за временем. Просто бежала. Через час, когда уже не было сил, я увидела пулпулак и подошла к нему, чтобы выпить холодной воды и умыться. Бег и холодная вода немного приводят в себя.

Я оглянулась, не узнавая улицы. Да и где там мне что-то узнавать? Я в совершенно незнакомом для меня городе. От этой мысли на меня опять накатило. Я тут никого не знаю. Я тут совершенно одна. О, попала. Ладно, выкрутимся. Я открыла карты на телефоне, вбила свой адрес. Упс. Пешком идти дальше, чем бежать. Я вызвала такси.

Когда такси приехало, я открыла дверцу заднего сиденья и поздоровалась:

— Доброе утро.

— Доброе утро, — ответил мне таксист.

Несколько минут мы ехали в молчании.

— Вы к нам отдыхать приехали?

— Нет. Переехала.

— Переехали. Давно?

— Нет, недавно. Всего пару дней назад.

— А армянский уже учите?

— Пока еще ничего не выучила.

— Ну, это вы успеете, — по-доброму сказал таксист. — Забыл спросить у вас, как вас зовут?

— Ира. А вас?

— Тигран. Я не очень хорошо говорю по-русски. А почему именно Ереван?

— Не знаю. Просто так решила.

— А вы до этого были в Ереване?

— Нет, ни разу.

— Ни разу не были у нас и решили к нам переехать. И как вам у нас?

— Красиво. Тепло. Кормят вкусно.

— О! Это точно. В Армении очень вкусно. Уже пробовали хаш?

— Нет. А что это?

— О, как это... Суп по-вашему. Но это не совсем суп. Он очень наваристый и густой. Его с водкой едят.

— С водкой?

— Да, хаш только с водкой. Зимой самое главное блюдо. Обязательно попробуйте. А работу уже нашли?

— Пока ищу.

— Ну, это вы найдете. А кем работаете?

— Мастер маникюра.

— Маникюр делаете. Это хорошее дело. Если одной армянке сделаете и ей понравится, она вам потом кучу своих подруг приведет. В этом уж не сомневайтесь. А в Ереване успели уже что-нибудь посмотреть?

— Нет. Пока только по центру погуляла и вот район свой изучаю.

— Вам бы в Гарни съездить. Там очень красиво, и древний храм посмотреть. Еще на Севан обязательно съездите, сейчас, правда, не сезон. Но съездить туда надо.

— А Севан — это что? — спросила я.

— О-о-о, — протянул таксист. — Это очень красивое место. Наша... как это по-русски будет, забыл слово...

— Достопримечательность? — подсказала я.

— Да, достопримечательность. Спасибо. Самое большое озеро в Армении. Находится в горах. Обязательно весной туда съездите, там очень красиво.

Я кивнула, глядя в окно на мелькающие улицы.. Некоторое время мы ехали молча, пока машина наконец не свернула на более узкие, тенистые улочки. Таксист бросил взгляд в зеркало заднего вида и поинтересовался:

— Вы в этом районе живете, куда мы сейчас едем?

— Да.

— А я недалеко от вас живу. Вы мой номер запишите, если нужно будет такси, звоните, я вас куда хошь отвезу. — предложил он мне.

— Да, давайте на всякий случай запишу. — ответила я, и Тигран продиктовал мне свой номер телефона.

— Если надумаете в Гарни съездить — звоните, я вас не только отвезу, но и всё там расскажу и покажу, — он уже подъезжал к моему новому дому.

— Спасибо большое. Как только определюсь, когда съездить, обязательно с вами свяжусь.

— Вам у какого подъезда?

— А вот первый. Вот здесь.

— Здесь?

— Да, спасибо, — я открыла дверь.

— Звоните, я всегда на связи.

— Хорошо. Хорошего дня.

— И вам. До свидания.

— До свидания, — и я вышла из такси.

Зайдя домой, я налила себе стакан воды и села на диван. Ноги ныли. Просто дико ныли после этого сумасшедшего кросса. Но это было приятно — физическая усталость. Как это кайфово. Я посидела так еще пару минут и пошла в душ — смыть пот и окончательно прийти в себя. Успокаивающая вода потекла по волосам, потом по лицу и дальше по всему телу. Мне так хотелось застыть в этом моменте, чтобы немного перевести дыхание от собственных мыслей. Но не тут-то было. В квартире бойлер, и воды хватило от силы минут на 15. И пошла холодная вода. «А-а-а!» — пришлось срочно выключать душ и обтираться полотенцем. Не люблю холодный душ. Ой, полотенчиком потереть себя посильнее...

Я села на диван, тупо уставившись в стену. «Я так долго не протяну» — крутилось в моей голове. «Надо что-то делать. Надо что-то делать» — повторяла я как мантру и залезла в соцсети. Даже не знаю, для чего. Просто листала ленту. И тут наткнулась на видео, где девчонка играла на барабанах. И пришла идиотская мысль: «А что, если мне пойти за-

ниматься на барабанах? Надо просто чем-то заняться, найти себе хоть какое-то хобби». И стала искать себе музыкальную школу. Поиск выдал парочку. Ещё было слишком рано, так что я решила подождать пару часов, пока они откроются.

Ближе к десяти утра я начала звонить во все музыкальные школы, во многих просто не брали трубку. Как потом выяснилось, это Армения, тут пешочком надо. Но мне повезло, в четвертой мне ответили.

— Барев дзез, — ответили мне спустя очень долгое время.

— Добрый день, — ответила я. — Вы по-русски разговариваете?

— Да. Добрый день, — зазвучал бодрый женский голос.

— Я хотела узнать насчет уроков игры на барабанах.

— Да, у нас есть преподаватель. Могу вас на пробное занятие записать к нему на вторник в 16:00. Вам удобно будет?

— Да, а сколько у вас стоят занятия?

— Пробное занятие — 5000, абонемент на 4 занятия — 45 000 драм.

— Хорошо. Запишите, — ответила я.

— Как вас зовут?

— Ирина. — Очень приятно, Ирина. Записала вас на пробное занятие во вторник в 16:00. Сейчас на ватсап вам вышлю всю подробную информацию, как нас найти.

— Хорошо, — ответила я.

— Хорошо. Ждем вас во вторник, — и девушка положила трубку.

«Ну вот, теперь мне будет чем заняться». Хотя до вторника еще пара дней. Я выдохнула.

Я сделала себе растворимый кофе и снова села на диван, тупо уставившись в стену. В голове роились разные мысли. Что я здесь делаю? Что будет дальше? Как найти работу? Вроде уже в другом городе. Даже в другой стране. Сняла квартиру. Другая обстановка, другие люди, другие эмоции. Но есть боль. Боль, от которой хочется убежать.

Из этого оцепенения меня вывел экран телефона — он засветился, и на нём красовался отрывок сообщения от мамы. Я открыла его полностью. *«Привет, доченька. Не смогла до тебя дозвониться. Перезвони, как только прочтешь. Есть пара вопросов, которые надо обсудить»* — коротко и как всегда только по делу. Её любимый конструктив.

Я не стала перезванивать маме, а достала наушники и включила музыку погромче.

Экран моего телефона опять засветился. Думала, что очередное сообщение от мамы — что-то забыла мне сказать. А нет. Ваге, риелтор мой, предлагает выпить кофейку и прогуляться по Еревану, как вчера и договаривались. А мы с ним договаривались об этом? У меня немного скривилось лицо. Чё-то не припомню такого. Хотя, может, я и пообещала что-то такое, лишь бы вчера он быстрее оставил меня одну в покое.

Заняться мне всё равно было нечем, бегать я устала, поэтому решила согласиться на чашечку кофе и прогулку по

Еревану. Тем более мне обещали показать панорамный вид этого солнечного города. Договорились встретиться у Каскада.

Через два часа я была уже была на месте. Если подняться по всем здешним ступенькам, можно увидеть весь Ереван. Но после утреннего бега я на такое точно не способна, только если спускаться. Я стояла внизу, разглядывая странные современные статуи у подножия, когда телефон опять завибрировал.

«Я на месте. А вы?» — написал мне Ваге.

«Я тоже тут, у статуй», — улетело сообщение.

— Добрый день, — подошел ко мне он.

— Добрый день, — ответила я.

— Кофе-то вы, надеюсь, любите? Не как с вином? — шутливо спросил меня этот южанин.

— Кофе — да. Это я люблю и слишком много пью, — тяжело вздохнув, протянула я.

— Я знаю тут одну очень хорошую кафешку. Там местный кофе делают. Уже попробовали наш армянский кофе?

— Нет, армянский еще не пробовала.

— Тогда пойдемте, я вас угощу. Если вы любитель кофе, вы оцените, называется сурч.

И мы пошли в кафе. Он заказал нам по чашечке кофе.

— Что-нибудь из десертов? Очень вкусный чизкейк, рекомендую. Заказать вам? — спросил Ваге у меня..

— Нет, спасибо. Сладкого не хочу.

— Попробовать-то стоит. С кофейком тем более! Давайте всё-таки закажу, — настаивал он.

— Нет, спасибо, правда. Я не хочу.

— Ну, как хотите. Хотя на вашем месте я бы всё-таки согласился.

Мы сидели за столиком на веранде. Он достал пачку сигарет и закурил.

— Я думала, в Армении запрещено курить в общественных местах? — с удивлением посмотрела я.

— Да, но армяне очень много курят. Плюс во многих заведениях попробуй запрети — потеряют кучу клиентов, вот и закрывают на это глаза.

— А заведения не штрафуют?

— Нет. Иначе такой скандал будет! Но это касается только старых кафе и ресторанов. В новых, конечно, не разрешают.

— Ясно, — в разговоре наступила небольшая пауза.

Я задумалась, вспомнив, как это было в моем подростковом возрасте — сидеть в ресторане и курить сигарету. Когда в России вступил этот закон в силу, казалось, у тебя отняли свободу. Нас ведь, курящих, никто не спрашивал, хотим ли мы спасаться. Нам тупо, в принудительном порядке, навязали этот здоровый образ жизни, завернув его в красивую обертку заботы. Заботы о здоровье тех, кто курит и не курит.

— А вы не курите? — спросил у меня Ваге.

— Курила, но бросила.

— Давно?

— Да вот, недавно. Решила всё поменять в своей жизни, вот и бросила курить перед переездом.

— То есть совсем недавно. Это вы молодец, — он аккуратно постучал сигаретой о край пепельницы. — А я вот курю, даже бросать не думаю, не представляю себя без сигарет. А с кофейком так вообще красота.

— Ну да, сигаретка с кофейком... Я вас понимаю. Самой очень нравилось, особенно с утра.

Опять повисло неловкое молчание.

— Значит, вы тут одна. Без мужа и детей. Почему такая красавица и не замужем?

— Я в разводе, — ответила я и посмотрела на наши обручальные кольца с Сережей, которые я оба носила на левой руке. Внутри опять всё заныло.

Патлатый, бородатый, в татухах. Зато дико родной. Сережа. Я здесь, в Ереване, а он там — в могиле. И всё, что я повторяю как мантру: «Я — живая».

Когда мне написал Максим, что Сергея больше нет и завтра его похороны, сначала было неверие. Подумала, что это его розыгрыш, как он любил делать, когда напьется. Но когда Макс сказал, что он покончил с собой, внутри была только тишина. Это был лишь вопрос времени. И мы общались с Максом почти три часа подряд о нем. Вспоминали разные моменты. У каждого он свой был — Серега, Сережа, Серж. А когда разговор закончился, я написала отцу Сергея, Ана-

толию. Может, всё-таки это... надежда умирает последней. Но внутри всё подсказывало, что это действительно так. И я проплакала всю ночь.

Мой крест. Сергей любил меня. Наверное, искренне любил меня — так, как вообще способна любить это его жуткая, непроглядная тьма. Мне его не хватает до судорог. Но в то же время внутри выжигала трезвая, страшная мысль: я ведь знала, абсолютно точно знала, что и как он чувствует в тот момент. Знала эту темноту по секундам — слишком хорошо помнила, как удушливо хотелось всё прекратить, и боролась с этим каждый божий день. А он — не сдался, нет. Он был панком, который принципиально не хотел лечиться. Этот его чертов бунт... Он просто выбрал своих демонов, а я оставила его с ними. Оставила одного.

У Сергея, моего бывшего мужа, было биполярное расстройство, и он не хотел лечиться, принимать таблетки и ходить к психиатру. С ним было очень сложно. Но было очень много светлых моментов.

Свадьба моей мечты. У нас была свадьба моей мечты. Без застолья и без огромной кучи гостей. Только роспись, прогулка на катере по Неве, фотосессия на берегу. Мы тогда были счастливы. Я пересматриваю те фотографии и смотрю на его улыбку. Как же мне его не хватает. Как же мне просто тяжело без него. Боже, прости.

У нас с Сергеем был любимый ресторанчик мексиканской кухни. Мы ходили в него каждую неделю. Он любил прика-

ливаться, а я ему подыгрывала.

Когда мы первый раз в него пришли, он перед официантом, когда тот подошел принять у нас заказ, сказал:

— Ну что, бывшая жена, что будешь заказывать? — и подмигнул мне.

Я сначала не поняла, но потом вошла в роль:

— Ну, коль бывший муж банкует, — и улыбнулась, — мне мясной салат с фалафелем, картошку по-мексикански и такос, пожалуйста.

Сергей подавил смешок. Официант был явно в шоке, но поулыбался нашему спектаклю.

После ресторана мы шутили, садясь в машину.

— Я люблю тебя, — сказал Сергей, открыл мне дверь, чтобы я села за руль, и поцеловал. А сам прошел потом на пассажирское сиденье. Он очень любил музыку. У него была целая коллекция виниловых пластинок и много книг про музыкантов. Он очень часто повторял, что звук — наше всё.

Голос Ваге вернул меня в реальность:

— И детей у вас тоже нет? Или они потом к вам приедут, когда вы здесь обустроитесь?

— Нет, детей у меня нет, — и я вновь посмотрела на наши обручальные кольца. Сергей хотел детей, хотел сына. А я... а я до паралича боялась.

Дышать. Ваге курил очередную сигарету, и мне самой дико захотелось курить, хоть я и бросила эту привычку. Так

хотелось забить легкие болью и тяжестью от табака.

— Можно я у вас сигаретку возьму? — спросила я у него.

Он удивленно приподнял брови и ответил:

— Э-э-э, да, конечно, берите, угощайтесь, — и протянул мне пачку. — Я местные курю. У нас очень вкусные сигареты. «Арарат». Табак шикарный, в России таких не купишь. — На его лице проступила та особенная, теплая и мягкая гордость, с которой местные мужчины говорят обо всем своем, армянском — будь то сигареты, горная вода из пулпулака или местный домашний коньяк. Он улыбнулся одними глазами, довольный, что может меня удивить такой простой мелочью.

Я взяла сигарету. Тонкая, аккуратная палочка табака казалась чужой в моих пальцах после нескольких месяцев перерыва. Ваге тут же щелкнул зажигалкой, прикрывая огонек ладонью от легкого ветра. Я затаилась. Горло обожгло едкой горечью, но такой нужной и желанной в тот момент. Я даже улыбнулась.

— А вы умеете улыбаться, — констатировал Ваге. — Гляжу, вам понравилось.

— Да, сигареты действительно хорошие, — и я сделала глоточек кофе из миниатюрной кофейной кружки, не снимая с лица этой легкой, непривычной улыбки.

— Так не расскажете, что вас привело одну, без мужа и детей, в Ереван? — спросил меня мой собеседник, дав немного насладиться вкусами Армении.

— Не сегодня, — ответила я.

Мы просидели, проболтали несколько часов. Ваге мне много всего интересного рассказал о своей жизни: как он жил в России, как пару месяцев тусил с друзьями в Минске в барах, как очень резко и неожиданно для самого себя уехал в Сочи и там, до переезда в Москву, открыл туристическое агентство. Его история была настолько необычной, а сам он оказался удивительно интересным человеком.

На прощание мы договорились еще как-нибудь встретиться, чтобы он обязательно показал мне город, и я отправилась домой. Маме я так и не перезвонила, хотя было от неё еще пару пропущенных вызовов. Так не хотелось выяснять отношения. Только написала отцу, что у меня всё в порядке, изучаю Ереван.

На следующее утро я опять бегала. Бег. Боль в мышцах. Сбивчивое дыхание. Потом душ. После душа я вышла с сигаретой и кружкой кофе на балкон. Ереванское утро. Солнечный Ереван. Так его называют местные, и он действительно солнечный. Еще зеленые деревья, которые совсем не хотят сбрасывать листву. Теплое солнце, которое греет в ноябрьское утро. Даже как-то странно. Я скучаю по московскому снегу. Он мне всегда напоминал сказку, которой мне не хватало и которая наступала в эти короткие зимние месяцы, когда украшали елку, везде красовались гирлянды, огни, и белый снег укутывал своей красотой деревья.

«Белка. Ничего себе, — удивилась я. — И не одна. У меня

во дворе белки!» Одна из белок взобралась на дерево прямо перед моим балконом. Темно-рыжая, шустрая. Я на неё смотрела и забывала курить. Так захотелось снять её на фото или видео! Но телефон с собой я не взяла, а в руке была зажатая сигарета. «Твою мать», — мысленно выругалась я.

Остался час потерпеть до созвона с психологом. Полегчает.

Я кое-как вытерпела этот час, даже заранее открыла ноутбук, включила ТГ и ждала звонка, который должен был произойти с секунды на секунду.

— Добрый день, Ирина. Меня хорошо слышно и видно? — спросила Наталья.

— Добрый день. Да, видно и слышно. А меня? — с облегчением от начала сессии сказала я.

— Да, тоже хорошо видно и слышно. Ну что, как прошла ваша неделя? — наша сессия началась как обычно.

— Я переехала в Ереван. Меня мучают панические атаки, но я использую ваш метод, считаю по квадрату.

При моих словах о переезде в Ереван у неё приподнялись брови:

— А почему Ереван, Ирина? — Наталья чуть подалась вперед к камере. — Вы же не планировали этот переезд, насколько я помню? Еще на прошлой неделе мы говорили с вами о ваших планах в Москве.

— Я не знаю. У меня бывший муж покончил с собой, — соврала я и разревелась.

После пережитого ада с Сергеем я просто устала. Устала постоянно за него переживать. То пропадет на неделю, то попадет под колеса питбайка. Никогда этого не забуду.

Мы отдыхали у его бабушки на даче. Кроме нас там никого не было. Ночная тишина. Включили ноут и пересматривали «Сверхъестественное». Я уже засыпала, а его переклинило от шума питбайков. Он выбежал на улицу, где не было ни одного фонаря. Я только слышала его голос — как он на кого-то кричал. Потом стало тихо, а я проваливалась в сон. Но Сережа не возвращался. Я сначала подумала: «Наверное, решил в туалет заскочить». Но что-то меня всё-таки подняло с кровати. Я встала, вышла на крыльцо и позвать его:

— Сереж!

В ответ тишина. Хотя на улице стояла абсолютная деревенская тишина. Только доносились странные женские всхлипы: «Прошу, оставьте его». Я позвала еще раз, но громче:

— Сереж!

Опять тишина.

Я вернулась в домик, взяла телефон, потому что ближайшие фонари были только на центральной дороге, и опять вышла на улицу. Уже перепугавшись, стала чаще и громче его звать. Никто не откликнулся. Я вышла на главную дорогу (она была через один участок от дачи), а там на дороге стояли люди в кругу и в свете фар. Что-то мешало проехать машинам.

— Ты кто? — повторяла одна женщина. — Парень, ты кто?

Я подошла ближе. И за силуэтами столпившихся людей увидела своего мужа. Он сидел на асфальте с абсолютно потерянными глазами и на всех озирался.

— Это мой муж, — испуганно сказала я. — Что с ним?

— Вы его жена?

— Да, я его жена.

— Он ничего не говорит. Надо скорую вызвать.

— Сейчас наберу, — я трясущимися руками набирала 112.

— Служба спасения. Что у вас случилось? — слышала я на другом конце провода.

— Мой муж... Не знаю, что с ним. Кажется, он в аварию попал.

— А он что говорит?

— Сереж, что с тобой случилось?

Он смотрел на меня взглядом затравленного зверя, который понимает, что его сейчас убьют. Полная дезориентация и дикий, животный страх. Он меня не узнавал.

— Он не отвечает. У него кровь, и на волосах кажется кожа висит.

— Он вообще не отвечает? Он в сознании?

— Да, в сознании, но молчит.

— У него, видимо, сотрясение. Есть какие-нибудь еще видимые повреждения?

— У него губа разбита.

— Постарайтесь выяснить, что с ним случилось.

— Сереж, что с тобой случилось? — еще раз спросила я его.

— Кажется, меня сбили, — путано ответил он.

— Он говорит, что его сбили.

— Скорая нужна? — спросили на том конце провода.

— Да, нужна, у него кровь идет.

— Где вы находитесь?

— На дороге в СНТ «Дружба».

— А вы пострадавшему кем приходитесь?

— Я? Я его жена. Ирина.

— Хорошо, Ирина, скорая уже выехала. Попробуйте оказать ему первую медицинскую помощь и обработайте раны, хорошо?

— Хорошо.

— И документы приготовьте. Они у вас с собой?

— Да, на даче.

— Всё, ждите, скорая скоро будет, — и диспетчер положил трубку.

Я выдохнула и посмотрела на своего мужа. Его рыжие волосы в хвосте растрепались. Трясущимися руками он пытался убрать выбившуюся прядь за ухо. На одной из прядей повис кусочек кожи. А моё сердце бешено билось. Боже...

— Сереж, что случилось?

Мой муж, казалось, меня не видит и озирается:

— Не знаю, — попытался ответить он и сплюнул кровавую слюну на дорогу.

— Ты сказал, что тебя сбили. Кто тебя сбил?

Он продолжал молчать.

— Ты можешь хоть что-нибудь сказать?

— Помоги мне встать, — он протянул мне руку.

— А ты сможешь идти? — взволнованно спросила я.

— Сейчас проверим.

Я подала ему свою, но встать он не смог. Тут же упал обратно на попу.

— Кажется, я ногу подвернул.

— Болит?

— Ну а ты как думаешь, дура, мозги включи, — грубо ответил он мне.

— Я переживаю! Давай я салфетки сейчас принесу и вытрем кровь. Скорая уже едет.

— Не надо никакой скорой.

— Тебя сбили, ты сам сказал! И пару минут ты вообще молчал, может, у тебя сотрясение! — гневно ответила я.

— Не надо скорую. У меня просто вывих, скоро всё пройдет. Лучше помоги мне встать.

— Так ты не можешь! Сиди лучше, я сейчас салфетки принесу, и лицо не трогай.

Я пошла в домик за влажными салфетками. Скорая приехала достаточно быстро, я только и успела, что пару салфеток достать и чуть-чуть стереть кровь с лица. Фельдшер на-

стоял на том, что Сергея надо отвезти в больницу: у него рассечение губы и брови, и надо рентген ноги сделать, вдруг перелом. Он этой новости обрадовался и попросил меня принести документы. Когда я вернулась с его паспортом и полисом, он уже сидел в машине скорой помощи. И последнее, что я помню перед тем, как закрылась дверь машины, — его полный безумия взгляд и фраза, убивающая наповал:

— Не переживай, приключения начинаются! — полный энтузиазма, он поднял руки, сжав кулачки.

Казалось, моё сердце сделало сальто и упало глубоко на дно. Я даже забыла, как дышать. Этот его безумный восторг перед лицом катастрофы пугал меня сильнее самой аварии. Именно тогда, на темной трассе, во мне что-то окончательно надломилось.

Я судорожно вздохнула и открыла глаза, вырываясь из липких объятий прошлого. В комнате было тихо. Ереван за окном только начинал оживать своей южной жизнью. Экран ноутбука слабо светился, Наталья терпеливо ждала на том конце провода, пока я вытирала слезы.

— Ирина, вы не виноваты в его смерти, — тихо, но уверенно сказала она, когда я немного успокоилась. — У него было тяжелое заболевание, биполярное расстройство. Вы это прекрасно знаете. И именно поэтому вы тогда приняли решение уйти. Вы просто спасали себя, потому что этот хаос невозможно было вывезти. Я понимаю, вам сейчас плохо, но

то, что вы сейчас сорвались и уехали в Армению — это не решение. Это бегство. Вы пытаетесь уйти от мыслей о нем, но они едут за вами.

Я молчала, глядя на её аккуратную блузку на экране. В ушах всё ещё стоял Сережин безумный смех на трассе. После нескольких лет этого изнуряющего, безумного хаоса мне действительно хотелось тишины.

— Вы ведь хотите нормальной, спокойной жизни? — продолжала Наталья. — Кстати, как Александр отреагировал на ваш отъезд? Вы с ним общаетесь?

— Общаемся, — глухо ответила я, не желая говорить правду, что я его закинула в ЧС. — Нормально отреагировал. Сказал: если мне это нужно, то пускай.

— Вот видите, — Наталья слегка улыбнулась. — Александр ведет себя как взрослый, адекватный человек.

«Адекватный», — мысленно повторила я, и внутри разлилась едкая, горькая ирония. Когда я ему сказала, что еду в Ереван, он мне заявил, что это не выход, это бегство от проблемы, он знает, каково это, сам переезжал, но это не помогло, а теперь ходит к психиатру и пьет антидепрессанты. Постоянно жалуется на выгорание на работе, которую очень любит и всегда хотел быть сисадмином.

— Поэтому я бы рекомендовала вам в вашем состоянии обратиться к психиатру, возможно, вам надо таблетки попить, чтобы стабилизировать фон, — ровный голос Натальи вернул меня к реальности. — У меня в Ереване нет знако-

мых врачей, но могу у своих коллег узнать и потом сбросить вам контакты. Подумаете над этим?

— Да, хорошо. Спасибо, Наталья, — глухо ответила я.

— Тогда увидимся через неделю с вами.

— Да, до свидания.

— До свидания.

Видеозвонок был завершен, и я закрыла крышку ноутбука. В комнате снова повисла тяжелая ереванская тишина.

«Ладно, надо заняться поисками работы», — подумала я и села на диван. Мне было страшно. Языковой барьер. Я ведь даже армянского не знаю. «Как я тут буду работу искать?» — кружилась в голове мысль. Даже не открывая интернет, я решила, что пока отложу эту задачу и поеду посмотрю город. Точнее — пойду пешком. Транспортной картой я еще не успела обзавестись, она продается только на станциях метро. И я решила просто действовать. Залезла в карты, и до ближайшей станции «Дружба» мне проложился маршрут в 40 минут. Хорошее время для прогулки.

Я на автомате закинула в сумку паспорт, закрыла дверь съемной квартиры и вышла на улицу. Под ногами валялся виноград, который рос у моего подъезда. Ноябрь, а он всё еще растет. «Интересно, какой он на вкус», — подумала я, но срывать и пробовать его не стала, а пошла дальше. Нужно было просто идти.

На перекрестке Маргаряна и Алабяна привычно шумели машины. Я повернула в сторону центра, шагая мимо парка

Тумо. Налево, глубоко внизу, уходило Разданское ущелье, а впереди открывался вид на мост Киевлян, по которому плотным потоком тянулись автомобили.

Я на секунду подняла глаза от асфальта и замерла. Там, за пыльной дымкой проспекта, прямо над горизонтом, огромным белым призраком зависла в небе заснеженная гора. Она казалась нереальной, словно нарисованной на холсте — слишком монументальной для этого суетливого города. Я не знала, как она называется, и, честно говоря, у меня не было сил вытаскивать телефон и лезть в карты. «Потом узнаю», — равнодушно подумала я, еще не подозревая, что этот величественный силуэт Арарата станет сопровождать меня здесь на каждом шагу.

Я опустила взгляд — привычнее было идти, смотря под ноги, чем по сторонам. Да и цель у меня была добыть проездной, а не рассматривать всё вокруг.

Наконец-то добравшись до станции метро, я спустилась в подземный переход. Было ощущение, что эта лестница, по которой я спускалась, вела не к метро, а была порталом в прошлое. Добро пожаловать в лихие нулевые! В лицо мне сразу ударил сыроватый, прохладный воздух, пропитанный табаком. Армяне курят здесь даже в переходах. И эти ларьки... Из подземки у нас их поубирали с приходом Собянина. Я даже забыла, как они выглядели, ведь это так давно было, а память штука такая — стирает то, чем редко пользуешься. Или не стирает, а просто прячет поглубже, до востребова-

ния, пока ты не наткнешься на правильный триггер. На глаза попался один из стеклянных павильонов, под завязку забитый музыкальными CD-дисками. «Ими еще кто-то пользуется? Серьезно?» Моих дисков у меня уже давно нет. А когда-то...

Горбушка. Настоящая, из начала двухтысячных. Стоило только зайти внутрь старого ДК или заглянуть в бесконечные крытые ряды, как на тебя обрушивался душный, плотный гул сотен голосов, обрывки тяжелого рока из хрипящих колонок и бесконечные ряды стеклянных витрин. Мы тогда приехали туда втроем: отец, я и Володя. У брата горели глаза — отец пообещал купить ему на день рождения первый настоящий MP3-плеер. Мы часами бродили среди лоточков, папа серьезно расспрашивал парней в кожаных куртках про мегабайты и батарейки, а мы с Володей завороченно разглядывали витрины. Хотелось купить всё. Новые компьютерные игры.

— О, это же «Герои 3», «Гарри Поттер»! О, а это же... Я мечтаю об этой игре! — увидев в одном из павильонов, с горящими глазами чуть ли не крича сказал Володя. — Пап, можешь купить?

Отец вздохнул, но улыбнулся, доставая кошелек. Мы ведь приехали сюда целенаправленно за плеером, а не за дисками, но устоять перед восторгом брата было невозможно.

— Ты уверен, что именно эту игру хочешь? — уточнил

отец. — Могу только одну купить, так как у нас с тобой другая задача. Либо могу все игры купить, но останешься без плеера. Поиграть сможешь только после дня рождения. И одну тебе, одну Ире. Ира, ты какую игру себе хочешь?

— «Симс Мейкин Мэджик», — со стопроцентной уверенностью ответила я.

— Э-э-э... Ир, а ты не можешь себе другую игру выбрать? — протянул мой брат, соображая над выбором, на который ему было сложно решиться. — Ты же стратегии любишь! Вон, взяла бы себе третий Варкрафт, «Фрозен Трон» же недавно вышел.

Про эту игру я слышала. А еще знала, что брат хочет в неё поиграть. И если я возьму себе «Симс», он расстроится, а так у нас дома появятся две новые крутые игры. Но все мои подружки играли в «Симс», и я даже не знала, что мне делать. Но этот взгляд Володи — такой добрый, горящий... Тем более у него скоро был день рождения. И я ответила:

— Я хочу «Варкрафт».

Брат просиял так, будто я подарила ему луну. В тот момент я поняла, что эта игра станет нашим общим миром на ближайшие месяцы.

Пока папа отсчитывал мятые купюры продавцу, я от неловкости отвернулась и уперлась взглядом в соседний стеллаж. Там, прямо вперемишку с детскими мультфильмами, ровными рядами выстроились кассеты и DVD с порнографией. Наглые, кричащие обложки никто даже и не думал

прятать от детей — они стояли здесь как самое обычное, будничное месиво из пластика, и интерес детей притягивали даже больше, чем сами мультики. Это ведь запрещено детям смотреть.

Тогда это вдохновляло. Не казалось, что ты изгой, и можно было спокойно обсуждать без осуждения интимную жизнь, которая начиналась уже с первыми месячными, и быть девственницей даже было постыдно.

Как давно в Москве убрали все эти ларьки, которые дышали и бурлили своей сумасшедшей энергией. А здесь эта жизнь всё ещё текла во всю — странная, причудливая, но настоящая.

Я дошла до касс метро. Приобрела заветную карту, через автомат положила на неё деньги и решила проехаться. Уже больно интересно мне стало, чем меня сможет удивить еще Армения.

Местное метро ничем не отличается от московского. Разве что нет новых станций, так как они все построены при Советском Союзе. Да и сами поезда маленькие, всего по три вагона. А в остальном — старое доброе советское метро. Такое привычное.

Когда я вышла на улицу на станции «Площадь Республики», начался дождик. Ереван своим вайбом напоминает мне Питер. Такой же медлительный, нищий, но шумный. Зонтика у меня с собой не было, поэтому я просто пошла по улице

в надежде, что он не усилится. Центр прекрасен. Круговое движение и пять монументальных зданий из розового туфа. На одном из них красовались вывески с картинами. «Наверное, музей», — подумала я, но подходить не стала. В музей мне сегодня точно не хотелось идти.

И я пошла в сторону ярмарки. Яркая, манящая атмосфера так и притягивала. Расположенные там ларьки предлагали разное: от согревающего глинтвейна, такого ароматного от гвоздики и корицы, до различных местных сувениров в виде гранатов, маленьких брелоков, магнитиков... Можно было в некоторых и покушать шаурму, взять бельгийские вафли. Когда проходила мимо очередного ларька с шаурмой, живот предательски заурчал. И я решила её попробовать. Постояв, повыбирала из предложенных вариантов и решила взять себе сырную шаурму с добавлением халапеньо. В холод самое то. Остренькая шаурма, жжет язык. Я опять посмотрела на кольца. Сергей.

«Ты домой во сколько?» — пришло сообщение от мужа.
«К 22:00 где-то буду».

«Можешь мне шаурму зайти взять? Как обычно, сырную с халапеньо и чили».

«Хорошо. Если успею и будет открыто, то возьму».

«Ну уж постарайся, а то муж голодный».

«Муж наглый. Еды куча, а ему шаверму подавай», — и добавила смайлик с языком.

«Ну, зайчик. Возьми, пожалуйста».

«Хорошо».

Возвращаясь домой с работы, я зашла в шаурмичную-бургерную — там готовили самую вкусную шаурму у нас на районе. Ребята за прилавком меня знали.

— Добрый вечер. Вам как обычно?

— Да, как обычно, и картошку фри, пожалуйста.

— С вас 345 рублей. По карте?

— Да.

Через пять минут заказ был готов, и я с горячей шаурмой пошла домой. Шел снег — мягкий, пушистый, липкий. Вся подошва кроссовок была им склеена, из-за чего скользишь по дороге. Я старалась идти быстро, чтобы уличная еда на морозе не успела остыть.

Я зашла в подъезд, отряхнула кроссовки. Наконец-то они стали более легкими без налипшего снега. Вызвала лифт. Один из двух сломался, поэтому пришлось долго его ждать. Когда я открыла дверь, муж как кузнечик подлетел и в своей манере округлил глаза:

— Еда-а-а... — он поцеловал меня в щечку, взял пакет, достал шаурму и, как будто только что катался на лошади, растопырил ноги и побрел в комнату продолжать смотреть сериал. А я раздевалась в прихожей.

— Ой, простите, — меня задел какой-то парень на ярмарке.

— Ничего страшного, — ответила я ему.

— Всё хорошо?

— Да, всё хорошо, — я смотрела на это чужое лицо в толпе Еревана.

— Вы из России, да? — спросил меня парень, который только что чуть не сбил меня с ног.

— Да, а что?

— Вы просто красивая. Познакомиться хочу.

— Сначала толкаете, потом знакомитесь?

— Ну, это я случайно. Да и я к тому же извинился.

— Ира, — представилась я и протянула руку.

— Артур. Приятно познакомиться, — и мой собеседник пожал мою холодную руку. — В отпуске?

— Нет, живу здесь. А вы?

— Я недавно переехал. Все эти события, ну знаете... А так с восемнадцати лет жил в Москве. А вы из какого города?

— Тоже из Москвы, точнее — из области.

— А откуда именно?

— Балашиха.

— Знаю. У меня там друг живет. Летом к себе на шашлык часто приглашал. Давно здесь?

— Да нет, всего пару дней, — улыбнувшись, ответила я.

— Одна живете?

— Да.

— А муж?

— Я в разводе.

— А дети у вас есть?

— Нет, нету, — грустно вздохнула я, признавая, что... безумно боюсь их заводить. Боюсь повторения того кошмара. Каждый раз, когда заходил разговор о детях, меня парализовал один и тот же страх.

Мы жили вчетвером: я, мама с папой и мой старший брат Володя. Я всегда отличалась от сверстников, была замкнутым человеком, предпочитала сидеть дома, читать книжки, вязать, вышивать крестиком, плести бисером. Любое долгое, монотонное занятие. И никогда ни о чем не мечтала. А вот мой брат был другим, полная противоположность мне. Его сложно было удержать дома, часто гулял с друзьями, играл в футбол, обожал кататься на коньках. Его активности можно было только завидовать. У него было много друзей. И он очень любил меня, оберегал и готов был всем надавать за меня. И по-своему вдохновлял. И читал мои стихи.

У нас с ним были разные вкусы в музыке, и мы всегда о них спорили. Я включала музыку тихо, в своих наушниках, он же всегда врубал свой металл на полную катушку, так что динамики его компьютерных колонок хрипели от тяжести.

Помню, как однажды я поссорилась с родителями и пошла на стадион, просто посидеть там, послушать музыку и поплакать. Он подсел ко мне с мороженым. — Опять ты всякую фигню слушаешь, — улыбнулся он. — А я только хотел тебя мороженым угостить, — и попытался убрать протяну-

тый им стаканчик мороженого. Моего любимого, с шоколадной крошкой. — Я люблю эту музыку, она хорошая. И ты хотел меня мороженым угостить! — заулыбалась я, пытаюсь забрать лакомство, которое тут же попытались отнять. — А вот не дам! — он убрал руку с мороженым так, чтобы я не дотянулась. — Ну и ладно, не так уж и хотелось, — я уперлась руками в колени и тяжело вздохнула. — Не сердись, держи, — он протянул мне мороженое. — Твоё любимое.

Потом мы с ним сидели и болтали, смеялись еще два часа, он уговаривал меня помириться с родителями, потом пошли домой. Мне с моим братом всегда было хорошо. Милый, добрый, с юмором. Всегда защищал меня и помогал с домашним заданием, когда я не могла что-то сделать или решить. Он был высоким, с голубыми глазами. И очень добрым.

Помню, как он пытался научить меня играть на гитаре. У него своей не было, и он брал её у друга — электрогитару с комбиком. Но мне не нравилась ни гитара, ни музыка, которую он играл и всё время пытался научить меня слушать.

В тот год Володя закончил школу и поступил учиться в Москву, поэтому мои родители решили переехать поближе к столице, в Балашиху. Начался учебный год. Я перешла в девятый класс в новой школе. А брат уехал жить в общежитие — ему так захотелось почувствовать взрослую жизнь, как он говорил. И мне в новой квартире, в новой школе было грустно без него. Последний раз, когда мы с ним виделись, это был день, когда мы в нашу новую квартиру заносили вещи.

Этот долгий процесс, казалось, длился вечность, но за два часа все вещи были подняты на третий этаж в дом без лифта. Потом мы все вместе сидели, пили чай. Когда Володе надо было уже идти на вокзал на электричку, он попросил меня его проводить. Я с удовольствием согласилась, и мы пошли по новым для нас улицам к вокзалу.

— Как тебе здесь? — спросил Володя.

— Пока не знаю, — ответила я.

— Я думаю, тебе здесь понравится, — он улыбнулся и приобнял меня.

— Надеюсь, — протянула я. — Завтра уже в школу.

— Тебе не охота?

— Школа... А кому в неё охота?

— Ну, прогуляла бы разок, — подмигнул он мне.

— В первый учебный день? — засмеялась я.

— Ну не в первый. А так, почему бы и нет?

— Ну, это ты так только умеешь, у меня на это смелости не хватит. Вдруг родители узнают, и мне потом влетит.

— Школу прогуливать уметь надо! Плюс надо, чтобы тебя младшие сестры не палили, — заулыбался он.

— Ну, ты уже школу закончил. Так что теперь точно не спалю, что ты универ прогуливаешь.

— Это да. И шантажировать меня этим больше не будешь.

— Когда я тебя этим шантажировала? Ну-ка? Ну-ка? — с возмущением ответила я.

— Юмора не понимаешь?

— А ты всё шутишь?

— Подкальываю, зайчик мой, это называется подкальывать.

— Ну да... Всё то ты любишь пошутить и подколоть.

— Ну нельзя же так серьезно ко всему относиться, снобом станешь.

— Ну да... — криво улыбнулась я.

— Ладно, у меня электричка уже подходит. Еще созвонимся с тобой, пиши и звони обязательно, ладно?

— Ладно, — ответила я.

— И это, ты здесь всё разузнай, а как у меня появится время, я приеду, и мы с тобой погуляем по Балашихе, сходим в киношку какую-нибудь посмотрим, хорошо?

— Договорились. — Мы обнялись на прощание.

— Пока.

— Пока.

И это был последний день, когда я видела его живым.

— Ни мужа, ни детей. И как вы решились одна переехать?

— голос Артура бесцеремонно выдернул меня в реальность.

Я моргнула, с трудом заставляя себя сфокусироваться на его лице. Откуда ему было знать, что он жмет на красную кнопку моей памяти.

— Ну, вот так захотелось мне.

— А почему Ереван?

— Сложно сказать... — Я на секунду замялась, глядя, как

капли дождя разбиваются о брусчатку. Не рассказывать же ему, что меня действительно сподвигло на этот переезд. — Наобум решила.

— Вы, наверное, приезжали сюда раньше?

— Нет, первый раз здесь и сразу переехала.

— Это необычно. И как вам у нас? Нравится?

— Кормят очень вкусно.

— О-о-о, это да. В Армении очень вкусно кормят. Что уже успели попробовать? Долму? Хаш? Местный коньяк?

— Хаш еще не успела попробовать, а вот долму да, но мне больше всего нравятся местные рулетики из баклажанов. Еще очень понравились женгялов хац и лахмаджо. Просто божественные вещи. — И я откусила очередной кусок шаурмы. Мне искренне нравятся эти блюда.

— Местная шаурма, я смотрю, вам тоже очень нравится?

— Да, штука вкусная.

— Вы уже многое успели попробовать. Это здорово. А местный домашний коньяк уже пробовали?

— Я не пью, — резко ответила я.

— Не пьете? — удивившись, приподнял одну бровь мой собеседник.

— Да, не пью. Здоровый образ жизни, знаете ли.

— Ну, это правильно. А я вот от коньячка, тем более в такую погоду, не откажусь. Может, составите компанию?

— Из меня плохая компания, я ведь не пью.

— Прекрасная девушка — всегда хорошая компания, да-

же если не пьет. Пойдемте, тут рядом есть хороший ресторан, там тепло, уютно. Я вас приглашаю.

— Спасибо, но мне бы хотелось прогуляться. Насиделась дома, знаете ли.

— Ну, давайте прогуляемся. Правда, сейчас прохладно.
— явно недовольный моим ответом, согласился он.

— После Москвы здесь, по мне так, вообще не холодно,
— улыбнулась ему я.

— Ну, это первый год. Потом привыкнете, адаптируетесь и будете мерзнуть.

— Не думаю.

— Ладно. Давайте тогда прогуляемся. У меня, правда, зонтика нет, да и у вас, я смотрю, тоже. Промокнем же.

Я в ответ только улыбнулась. Дождь мелкими, редкими каплями ложился на пиджак. Он был так похож на моё внутреннее состояние — дождливое, печальное, когда даже лишний раз улыбнуться не хочется. Всё лучше, чем оказаться опять дома наедине с собственными мыслями. Артур пытался шутить во время нашей прогулки, а я лишь делала вид, что мне приятен этот разговор. Но его напор начинал утомлять. Когда мы дошли до центра площади, он в очередной раз завел пластинку про то, что глупо мерзнуть, и позвал в бар «просто погреться коньяком». Его нагловатая настойчивость уже откровенно раздражала, и я поняла, что с меня хватит. Заявив, что мне пора ехать обратно, я вызвала такси. Артур явно недовольно хмыкнул, но напоследок всё же су-

нул мне в руку свой телефон с открытым поиском в телеграмме. Чтобы закончить этот вечер без лишних споров, я быстро вбила свой юзернейм и пообещала списаться позже. Минут через десять я уже сидела в теплой машине, глядя сквозь залитое каплями стекло на размытые огни Еревана. Добравшись до своей квартиры, я заперла дверь на все замки, скинула сырую куртку и прямо в одежде рухнула на кровать. Той ночью я спала спокойно.

Вторник. С утра пораньше меня обуревали разные мысли и сомнения. Я долго металась, ехать мне или не ехать, потому что сама не знала, чего жду и хочу ли вообще заниматься барабанами. Но я уже записалась на пробный урок, поэтому всё-таки поехала — хотя бы просто попробую. Меня попросили приехать заранее, хотя бы минут за десять до начала занятий, чтобы познакомиться со студией. Я так и сделала. Музыкальная школа встретила меня приглушенным гулом: где-то за стеной настраивали гитару, а из глубины доносились хлесткие, глухие удары барабанов. На мгновение я замерла у входа, поправляя лямку сумки. Сердце почему-то забилось чуть быстрее, будто я стояла перед дверью в какой-то другой, совершенно незнакомый мне мир. Набрав в легкие побольше воздуха, я решительно потянула на себя тяжелую ручку.

За порогом, у стойки администратора, меня встретила очень активная и приятная девушка. Показала мне всю школу, рассказала, на каких музыкальных инструментах здесь преподают. Предложила налить мне кофе. Там была очень

уютная зона для ожидания перед уроками, где сидели люди или родители, ожидая своих деток с занятий. Я присела туда. Администратор показала, как и где налить себе кофе.

Стены этого пространства были украшены книжными полками, на которых стояли биографии великих музыкантов. Я сделала глоток горячего кофе, разглядывая портреты и бюсты Баха и Моцарта, но их монументальное спокойствие никак не помогало унять мелкую дрожь в пальцах. Хлесткие удары за стеной внезапно стихли, сменившись глухим стуком закрывающейся двери. Из коридора в зону ожидания вышел высокий парень на вид лет тридцати, метр девяносто, наверное, если не выше — по мне так очень высокий. С бородой и сережками в ушах.

— Ирина? — Его дико низкий голос был непривычным для меня, и я даже чуть не подпрыгнула на своем месте. Я как-то привыкла к тенору своего бывшего мужа. А может, просто сказывалась моя постоянная усталость и вечные страхи. Хоть и слушала давно метал, и были у меня интересные группы, вокалисты которых отличались прекрасными мужскими басами, но слышать такой голос в простой разговорной форме было непривычно. В общем, от его голоса по мне пошли мурашки.

— Да, — еле слышно пропищала я.

— Я — Дмитрий, пробный урок по барабанам у вас будет со мной. Пойдемте. — И он рукой указал путь.

Мы пошли по коридору в самый дальний кабинет. Он от-

крыл перед мной дверь и по-джентльменски пропустил вперед:

— Проходите.

Я зашла внутрь. Кабинет был небольшим. В нем был маленький столик, пара стульев, пэд на подставке (как я потом узнала), доска для записей маркером, пюпитр и собственно барабаны. Они были слегка потрепанными, видно было, что на них играли уже не первый год, но черный пластик бочки был ярким.

— Присаживайтесь пока вот сюда, — и он указал на стул перед пэдом.

Я села.

— Для начала давайте с вами познакомимся. Как вам удобнее, чтобы к вам обращались — на «вы» или на «ты»?

— Можно и на «ты», но не обещаю, что я буду на «ты», — сыграло моё воспитание. К учителям, даже если они моего возраста, я всегда обращалась на «вы» — какой-то внутренний ступор, мой тренер по танцам даже ругалась на меня за это. Но я ничего не могла с собой поделать.

— Хорошо. Я тогда буду на «ты». Ты раньше барабанами занималась?

— Нет.

— А почему решила заняться?

— Не знаю, — кое-как промямлила я, всё еще чувствуя на себе это прибивание к земле от его голоса.

— А какую музыку ты слушаешь?

— Arch Enemy, Children of Bodom, In This Moment, — ответила я.

— Круга, значит, тоже слушаешь? — спросил он.

— Не, Круга не слушаю, под Трофимова иногда подпеваю, — честно ответила я, вспомнив последнюю нашу вчерашнюю встречу с новой знакомой и как мы у неё дома слушали его песни и подпевали. А он заулыбался и сказал:

— Ну ты же понимаешь, что это юмор? Да?

Я выпучила глаза. «Юмор? — пронеслось в моей голове. Я ведь девочка культурная, воспитанная, не токсичная какая-нибудь, чтобы с порога душить и портить человеку настроение, поэтому смолчала и лишь из приличия улыбнулась. Обычно от юмора смешно, а тут я вообще ничего не поняла. Причем тут, блин, юмор? Смеяться после слова «Трофимов» или где?

— Я когда-то играл дэт-метал на двух бочках, — он усмехнулся, заметив мою реакцию. — Ну, хорошо, тогда немного расскажу, как проходит занятие. Мы сначала разминаемся на пэде. Это прекрасный тренажер. Если будешь заниматься, надо будет домой тебе тоже купить. Затем попробуем поиграть уже на барабанах. — И он дал мне палочки. — Начнем с хвата. Мы не зажимаем палочки всеми пальцами, мы держим их только двумя: кладем палочку вот на эту костяшку, — он показал на вторую фалангу указательного пальца, — и большим пальцем прижимаем, а остальными пальцами только прикрываем, чтобы палочка ходила в руке,

это нужно для отскока, про него мы поговорим чуть позже. Для начала надо научиться палочки держать. И держим мы их не совсем прямо, а как будто большой палец правой руки смотрит на пятнадцать минут — представляем, что наша рука это часы, а левая смотрит на сорок пять минут. Вот так, — и он опять это продемонстрировал своими руками. — Мы считаем, чтобы выработать чувство ритма. Может, слышала, что «раз-и-два-и»?

— Угу, — закивала головой я.

— Так вот, на каждый счет и букву «и» поочередно то правой, то левой будешь бить в пэд. И «четыре» мы не произносим полностью, а произносим «че» для ровности счета, так как в нем три слога, а в остальных цифрах по одному. Считай, повторяй за мной: раз-и, два-и, три-и, че-и.

Я взяла палочки, стараясь удержать в голове эти проклятые «пятнадцать и сорок пять минут», еще и считать вслух. На этом активная часть педагогики со стороны Дмитрия, кажется, закончилась.

Следующие тридцать минут превратились в тихий ад. Он просто пересел на стул в самый угол кабинета и замер там, как огромная монументальная статуя. Правая — удар, левая — удар. Палочки предательски вязли в резине пэда, запястья начинали ныть, а он лишь изредка своим глухим басом ронял: «Зажала», «Расслабь кисть». В какой-то момент это начало дико раздражать. Казалось, передо мной сидел не преподаватель, а какая-то дорогая и абсолютно бесполезная

мебель, которую занесли в класс для антуража. Его каменное спокойствие меня бесило. Как вообще можно быть таким спокойным?

Мои мысленные проклятия прервал его внезапно раздавшийся бас. Эта дорогая «мебель» в углу кабинета даже не пошевелилась, просто подала голос.

— Хорошо. А теперь поиграем на барабанах. Пересаживайся.

Я послушно встала, прошла по кабинету к барабанам и села. Перед этим инструментом у меня тоже был какой-то страх, уважительный страх.

— В музыке есть такое понятие, как остинато. Это повторение одного и того же элемента. И мы сейчас поиграем одно из них. Ты правша?

— Да.

— Хорошо. Значит, сейчас будешь играть правой рукой на каждый счет в хай-хет, на счет «два» и «че» будешь бить в малый барабан. Начнем с этого. Потом бочку добавим. И считай, — дал он мне указания и опять замер в своей неподвижности.

Я начала считать и играть, и с первой же попытки сделала ошибку.

— Еще раз, заново, — скомандовал Дмитрий. Я попыталась сосредоточиться. И опять не вовремя, не на тот счет. А это не так просто, как кажется.

— Еще раз. Всегда надо начинать сначала, потому что ба-

рабаны — это физика и память мышц. Если мышцы запомнят неправильно, так и будешь неправильно играть.

Только с четвертой попытки я умудрилась сыграть без ошибки четыре круга.

— Хорошо. А теперь подключим бочку. На этом занятии, как её правильно играть, объяснять не буду, главное сегодня просто попробовать, а вот на следующем, если решишь продолжить занятия, я тебе объясню. А пока просто ступней нажимай на неё. Бочку мы играем вместе с правой рукой на счет «раз» и «три». Попробуй.

Я попыталась. На счет «раз» правая нога послушно бахнула по педали бочки, но на счет «два», когда левая рука должна была ударить в малый барабан, опять была бочка. И пришлось начинать сначала. Задача была не из легких — умудриться управлять и руками, и ногой. А казалось бы, что там? До конца занятия я умудрилась только пару раз сыграть правильно, на втором круге постоянно ошибаясь.

— На сегодня всё, время вышло, — прервал мои мучения Дмитрий, поднимаясь со стула. — К следующему занятию постарайся приобрести палочки и пэд. И постарайся выбрать песню, которую ты бы хотела выучить, хорошо? — выдал он инструкции на будущее, как будто мы уже утвердили расписание на месяц вперед.

— Хорошо, — ответила я, беря сумку со стола. Он открыл дверь кабинета и опять пропустил меня вперед.

На выходе меня уже ждал администратор.

— Как вам пробное занятие? Будете продолжать заниматься?

— Нормально. Наверное, да.

— Хорошо. У нас абонементная система, и если вы хотите закрепить за собой время, вам необходимо его оплатить. Абонемент на 4 занятия стоит 45 000 драм. Если вы оплатите его сегодня, то на первый абонемент у вас будет скидка 5000, итого вам абонемент обойдется в 40 000 драм.

— Да, давайте, — я достала кошелек и оплатила будущие занятия.

— А по времени? У нас есть только один вариант. Вам удобно будет заниматься в субботу в 10 утра?

— В субботу? — мои брови поползли вверх.

— Да, Дмитрий работает по вторникам и субботам. Сегодня у него просто ученик заболел, и мы вас на сегодня записали, а так по вторникам у него всё занято, а вот в субботу есть время только утром.

— Ладно, давайте в субботу, — вздохнула я, мысленно прощаясь с возможностью отсыпаться в выходной.

— Отлично, записала вас на десять утра! Ждем вас в следующую субботу.

— Спасибо, — буркнула я, спрятала кошелек и наконец вышла на свежий воздух.

Я возвращалась домой и всё думала: при чем тут юмор? Наверное, единственное, что я запомнила с этого занятия. Какой-то дико странный у него юмор. Я уже давно за любой

кипиш, кроме голодовки. Меня подруга как-то затащила на Киркорыча, а я в отместку (если быть честной, она такая же как я — за любой кипиш, кроме голодовки, но будем считать, что это была моя месть, по крайней мере, я так очень люблю думать) затащила её на Stigmata. Вот там был юмор так юмор.

Мой бывший муж меня всегда спокойно отпускал на любые концерты. Хотя он и был панком, но мою музыку недолюбливал. Считал, что экстрим — это не вокал. Так что на Stigmata я, как обычно, должна была пойти одна. По мне так лучше сходить одной, чем не сходить совсем на концерт любимой группы. Всегда жила по этому принципу и никогда не понимала этих инфантилов, которые если не найдут себе няньку за компанию, то будут сидеть дома и пускать сопли на сторис с выступления. Вы музыку пришли слушать или за руки держаться в толпе? Специфический вид инвалидности — неспособность получить удовольствие без одобрительного кивания соседа.

Но тут, наконец-то, у подруги совпали выходные, и она, как любитель попробовать и узнать что-то новенькое, согласилась пойти со мной. «А меня прет, меня прет, потому что снег идет» — песенка про Новый год от двух классных панков. Люблю её напевать перед концертами, потому что меня действительно прет. Еще пританцовывать при этом, как будто я под диско 90-х танцую — эти два пальца попеременно перед глазами. Ксюха ненавидела, когда я так делала, но

вместе со мной всегда подпевала: «С ебанутых спросу нет». Да, это про нас.

Мы зашли в зал. До концерта оставалось еще полчаса, а учитывая, что его часто задерживают, так, наверное, и больше. И давай в нашем с ней духе беситься. Даже сквозь громкую музыку были слышны комменты, что «ой, кто-то накурился». А что вы хотите от двух тридцатилетних, которым давным-давно всё пофиг, лишь бы оторваться, и нам достаточно нас двоих без бухла. А мы трезвые были. Хотя, ну Бог вам судья. Спорить не буду.

Бесились, бесились, и тут Ксю встала как вкопанная.

— ЧТО СЛУЧИЛОСЬ? — спросила я у неё.

Она аж побледнела и испуганными глазами на меня посмотрела:

— ДА ВСЁ НОРМАЛЬНО! — прокричала она.

— А ЧТО ТОГДА ВСТАЛА КАК ВКОПАННАЯ? — возмутилась я.

И тут на весь зал, не стесняясь (музыка хоть и играла громко, но можно было так не стараться, всё-таки не концерт, и перепонки еще берегли, ну, в этом вся Ксю, ей пофиг), стала орать:

— У МЕНЯ ДЫРКА... НА ЛЕГИНСАХ... В ТОМ САМОМ НУЖНОМ МЕСТЕ!!!

— ТЫ ЧТО ТАК ОРЕШЬ ПРО ДЫРКУ В НУЖНОМ МЕСТЕ, ТЕБЯ ЖЕ СЛЫШАТ!!!

Она испуганно огляделась по сторонам, а я смеялась —

вот капец, как так можно? Один парень, услышав меня и поймав мой взгляд, прикрыл улыбающийся рот и отвернулся. А она продолжила:

— ДА КТО ТУТ СЛЫШИТ ПРО МОЮ ДЫРКУ В НУЖНОМ МЕСТЕ? ТУТ ТАК МУЗЫКА ОРЕТ!

— ЗАТКНИСЬ, Я ТЕБЯ УМОЛЯЮ, ТЕБЯ ВСЕ СЛЫШАТ! — сквозь смех проорала я.

— КТО МЕНЯ ТУТ СЛЫШИТ? — она опять обернулась. — НУ ЛЕГИНСЫ ПОРВАЛИСЬ. В САМОМ НУЖНОМ МЕСТЕ. ТЕПЕРЬ СНИМАТЬ НЕ НАДО!

— КАК УДОБНО-ТО, ДА?! — продолжая ржать, выпалила я.

— У МЕНЯ ТЕПЕРЬ ПРОВЕТРИВАНИЕ! ЖАЛЬ НА ТРУСАХ НЕТ, А ТО ИДЕАЛЬНО БЫЛО БЫ!

У меня аж глаза округлились и смех сквозь слезы. Вот это я понимаю — Юмор.

И тут до меня дошло. Подкол из нулевых. Как давно это было... В той забытой вселенной, хотя я из готов, у нас были другие шуточки, а вот для металлистов это было актуально. Юность — она такая: даже когда очень больно и страшно, только смех и помогал.

Я вернулась домой. Залезла на ВБ и стала выбирать себе пэд и палочки. Листала ленту с товарами: маленькие, большие по 12 дюймов... «Какой лучше взять? И почему я не спросила, какие палочки нужны — 5А или 5В? Ладно, пока

в корзину положу, а на следующем занятии спрошу», — так думала я, скидывая в корзину понравившийся пэд с рисунком черепа и розовые палочки. Хотелось именно розовые. Пэд с черепом и розовые палочки. Ну, я же девочка.

ГЛАВА 3

Однажды наступает день, который... Короче, просто наступает день.

День начался как обычно. Утренняя пробежка — до боли, хотя ноги уже немного привыкли к нагрузке. После — душ.

Щёлкнул чайник, вода вскипела. Можно заваривать растворимый кофе. Я вышла на балкон, вдыхая утренний воздух вперемешку с сигаретным дымом. Это сладкая горечь свободы.

Докурив, я вернулась в комнату. Был дикий ступор. Работу искать совсем не хотелось. И мне не хотелось никуда выползать. Я достала свою новую тетрадь со стихами, в которой пока было только одно написанное стихотворение. Когда-то я стихи писала часто. Когда-то... Я погладила тетрадь. И тут завибрировал телефон, на экране высветилось: «Сессия с психологом».

Я подняла крышку ноутбука, открыла ТГ и подключилась к видеозвонку.

— Ирина, добрый день, меня хорошо слышно? — её мягкий, успокаивающий голос ударил по ушам.

— Добрый день, хорошо, а меня как слышно и видно?

— Тоже хорошо. Как вы себя чувствуете после нашей последней встречи? Удалось сходить к психиатру?

— Нет. У меня пока времени не было, — ответила я.

— И чем вы занимались? Удалось ли отследить свои чувства и эмоции?

— На барабаны вот записалась. С отцом стала общаться,
— сухо ответила я.

Наталья на секунду замерла с поднятой ручкой, а потом что-то пометила в своём блокноте. Её брови удивлённо поползли вверх, а взгляд на мгновение потерял эту профессиональную, слегка отстранённую маску.

— С отцом? — мягко переспросила она, подавшись чуть ближе к камере. — Ирина, это... очень серьёзный шаг. Если я правильно помню, вы ведь не выходили с ним на связь с тех пор, как он ушёл из семьи?

— Не выходила, — я дёрнула плечом и отвела глаза от экрана, уставившись на остывающий кофе. — А тут почему-то решила ему позвонить. Нашло что-то.

— И как вы себя почувствовали, когда созвонились с ним? Что именно подтолкнуло вас разрушить это многолетнее молчание?

— Не знаю. Я ему позвонила, когда Сергея не стало. Он приехал за мной.

Наталья сочувственно кивнула, на секунду опустив глаза, давая мне возможность справиться с эмоциями. Этот её профессиональный такт иногда бесил даже больше, чем прямые вопросы.

— Что вы почувствовали в тот момент?

Я крепче сжала пальцами остывающую кружку кофе. В

горле стоял ком, но внутри поднималась какая-то злая, упрямая волна.

— Это не мой выбор. Поступать как он — это не мой выбор. Совершить суицид — не мой путь. Я другая.

Наталья удивилась:

— Это действительно не ваш выбор и не ваш путь. И вы поэтому переехали в Ереван?

— Нет. Меня отец уговорил.

Мой отец был военным, и моё детство прошло в закрытом военном городке. Они поженились ещё в 88-м, за два года до рождения брата. Отец тогда учился на последнем курсе Питерского военного училища, а мама просто приехала в Питер на стажировку. Тогда казалось, что впереди их ждёт сытая, образцовая жизнь офицерской семьи.

Но потом грянул дефолт. Мир вокруг стремительно менялся, мамины вчерашние подруги одна за другой открывали палатки, салоны красоты, возили шмотки из Турции, Франции, богатели, а папа продолжал за копейки служить Родине. Мама завидовала и задыхалась в этой нищете. Её амбициям было тесно с двумя детьми в серых стенах городка, она отчаянно рвалась в бизнес, хотела открыть что-то своё. Отец не запрещал, но и помогать тоже не хотел — не та у него была зарплата, чтобы вкладываться непонятно в какое дело, а двое детей — ещё та ответственность. Да и маму он видел насквозь: бизнес — не её дело. И хоть она и говорит,

что многого в своей жизни достигла, ни черта она не достигла. Но об этом потом, поржём, бизнесмены поймут.

Чтобы хоть как-то компенсировать эту нереализованность и приобщиться к «красивой жизни», мама уцепилась за Лёшу — однокурсника отца. Он оставил военное поприще и открыл собственный магазин в нашем военном городке, так как военторги попросту были пусты. Лёша крутился с нужными людьми и был олицетворением того самого успеха, о котором так мечтало моё родительское эго в лице матери.

И тут у Лёши рождается дочь. А у него на квартире шёл пафосный ремонт перед выпиской, ну, молдаване не успевали в срок. В общем, бухать было негде. Мама тут же учуяла шанс подлизаться к элите и подставила под это дело нашу служебную трёшку. Ей же дико хотелось побыть в стиле «Ну что, гуляй, рванина!».

Лёша из своего магазина притащил какое-то новое крутое пиво, целых два ящика, откуда-то появилась водка, даже умудрились достать солёные огурцы. Что-то там ещё было, но нас, детей, на кухню не пустили, а отправили спать: мол, уже взрослые, сами лягут и уснут, завтра в школу.

Ну да, уснём. Музыка орала. Постоянно кричали: «С рождением дочери!» и прочие тосты в честь новоиспечённого отца. Постоянный громкий смех.

Весь этот балаган закончился в районе полуночи, когда отец вернулся из командировки. А мама и забыла, какое сегодня число.

А мы с братом, как собаки, учуяли его приезд. Точнее, просто увидели из окна и побежали встречать к двери. Две верные псинки. И каково же было его удивление, когда два ребёнка в одежде (а мы явно не собирались спать, а втихаря рубились в Сегу в Mortal Kombat — ну, нам же, детям, дали волю, сами улягутся, дети есть дети) встретили его в коридоре. В квартире стоял жуткий ор и сигаретный дым, и отца никто из взрослых не встречал.

— Привет, ребят, а что тут происходит и почему вы не спите? — уставший, спросил он нас.

Мы переглянулись, и Володя ответил:

— Привет, пап, да тут у кого-то дочка родилась.

— Я понял, — улыбнулся папа и прошёл на кухню.

Его громкий командный голос было слышно даже сквозь громкую музыку.

— Так, ребят, заканчиваем, — и музыка выключилась.

— О, Колян, привет, — послышался чей-то мужской пьяный голос. — Ты же завтра должен был вернуться?

— Вообще-то сегодня.

— О, ну круто, присоединяйся к нам. У Лёхи дочка сегодня родилась, вот отмечаем. Твоя жена разрешила у вас отметить, а то у него, сам знаешь, ещё ремонт идёт.

— Ну, отца я поздравляю, но, ребят, давайте закругляйтесь. У нас дети, им спать пора, — добродушно ответил отец.

— А что они ещё не спят? — удивилась пьяная мама. — Я же им сказала, чтоб ложились спать.

— Ну, вы так шумите, естественно, они не спят.

— Да мы вообще тихо сидим.

— Ну, это вам так кажется, ребят. Вас даже с улицы было слышно, так что расходимся.

— Ну, Коль, ты чего? Зачем всё портишь? — кто-то возмутился, скорее всего Лёша. — Когда у тебя дети рождались, тебя никто не выгонял.

— Когда у меня рождались дети, я у себя дома это отмечал, — отрезал папа. — Так что выходим.

Все стали ныть.

— А пойдёте к Ленке? — слышался скрежет ножек стула. — У неё точно нормально отметим.

— Да, надо было вообще сразу к ней идти, — промямлил чей-то женский голос. — Это всё Натаха: «У меня нормально отметим, у меня нормально отметим, муж только завтра возвращается». Ну да. Ну ты и подстава. Муж-то сегодня вернулся.

— Слушайте, ребят, — стала оправдываться мама, — я правда не знала, что он сегодня вернётся, он должен был только завтра приехать, — как будто это отец был виноват. — Коль, ну в самом деле, — она обратилась к папе. — Дети и так могут лечь, они не маленькие. Я сейчас пойду и лично уложу их спать, закрою дверь в комнату, и мы продолжим. Никто им не мешает.

— Татьяна, дети должны выспаться перед школой, — папа даже голоса не поднял, но в этой его спокойной мягкости

ловить было абсолютно нечего. — Заканчиваем.

Гости медленно и неохотно потянулись из кухни в коридор.

— Ох, вы негодники, чего не спите-то? — склонился к нам один из маминых друзей.

Мы промолчали.

— Так, Жень, выходи давай, — подогнал этого недовольного отец. — К детям незачем лезть, тем более ты пьяный.

Прошло минут десять, пока вся эта недовольная пьяная толпа рассосалась.

— Взял и опозорил меня перед друзьями, — гневно произнесла мама и ушла в комнату. Отец только тяжело вздохнул.

— Так, ребят, а вы что встали? Вам завтра в школу, а ну марш спать, — улыбаясь, скомандовал нам отец. — Если сейчас же спать не ляжете, гостинцы вам завтра не отдам, — и он высунул язык.

Мы с братом мигом разбежались по комнатам и улеглись — свои подарки получить очень хотелось. Но в тёмной комнате до меня ещё долго долетали приглушённые голоса родителей, которые ссорились и спорили под грохот убираемой посуды и бутылок.

Дальше голос Натальи доносился до меня как сквозь толщу воды. Она что-то говорила, задавала наводящие вопросы, делала выводы, но я уже не слушала. Я просто смотрела в

экран, ожидая, когда сеанс закончится сам собой. Как только таймер отсчитал время, я нажала «завершить» и закрыла ноутбук.

Два дня я провалялась в кровати. Не хотелось никуда выбираться, с кем-то общаться. Даже кино или сериал смотреть неохота было, просто лежала. Не, ну ещё в туалет ходила. Переписывалась с Ксю, она собиралась ко мне после Нового года приехать, скорее всего в конце января. Один из моих мотивов не уехать обратно. Она очень хотела побывать за границей, даже загранник оформила, так что я по-любому должна была тут протянуть до её приезда, а там, если что, можно капитулировать и вернуться обратно.

Но на третий день меня просто переклинило. Надо искать работу, если я собираюсь тут остаться, а домой возвращаться точно не хочу. Я открыла чатики в ТГ и закинула туда инфу о поиске работы мастером маникюра.

«Так, этого мало, надо ещё что-то делать», — я от скуки залезла на сайт знакомств, решила подождать, может, кто ответит на моё резюме.

Листая фотки парней, я тупо лайкала всех без разбору — просто чтобы поболтать. И тут мы сцепились языками с одним русским парнем.

«Ты давно здесь живешь?»

«Да, вот как неделю переехала. А ты?»

«Я уже три года».

«Круто. И как тебе здесь?»

«Мне нравится, переезжать не хочу».

«А я вот не знаю, пока еще не поняла. Где здесь вообще потусить можно?»

Парень оказался панком.

«Ой, я могу тебе группы разные скинуть с местными рок-клубами, там и афиша есть, вся инфа там».

«О, круто, давай».

Мы обменялись ТГ и перешли в другой мессенджер.

«Привет. Это я из ВК Знакомств, сейчас общались».

«Привет».

Мне прилетели ссылки.

«Слушай, а на каком сайте тут работу искать?»

«Это Армения, тут пешечком надо».

«Это как?»

«Ну, тут резюме не смотрят, просто приходишь куда тебе надо и там на месте узнаешь».

«Что, серьезно?»

«Добро пожаловать в 90-е».

«Ладно, спасибо».

«Будут вопросы — пиши».

«Хорошо».

Пришло очередное сообщение от Артура. Каждый день наша переписка выглядела так:

«Привет. Как дела?»

«Привет. Отлично. Как у тебя?»

«Хорошо. Вечером погуляем».

«У меня настроения нет».

«А когда оно появится? А то у меня сегодня свободный вечер, а завтра уже не получится».

Ну и так каждый день. Сегодня я кинула его в ЧС. Изодня в день одно и то же.

Этот день я провела в ожидании: а вдруг кто-то напишет на моё сообщение? Единственное, ради чего выбралась из дома, — это молоко, оно у меня закончилось.

На следующий день у меня было шикарнейшее настроение. И я выползла из дома. Просто шла по улице, и тут — салон красоты. Я в него зашла.

Меня встретил администратор:

— Барев дзез.

— Добрый день. А вам мастер маникюра нужен? — вдруг осмелела я.

— У нас мест нет.

— Поняла, спасибо, — я развернулась и вышла.

«И чего я боялась? — подумала я. — Блин, я когда-то в метро вся в чёрном, с длинной юбкой, в корсете, с чёрной губной помадой ездила, на меня все смотрели, а тут я боюсь зайти спросить, есть ли вакансия». Ну меня и бомбануло. Я включила песню «Слышь, ты чё такая дерзкая, а?» и пошла по салонам. Во втором всё было то же самое. И я вспомнила Джоан Роулинг, которая рассылала рукопись по 12 издательствам и получала отказы, и тогда она решила, что превратит отказы в игру. Ну, я решила тоже в эту игру поиграть. «На-

беру 10 отказов, и можно домой, квест будет выполнен». В итоге квест не выполнила: в четвёртом салоне меня взяли. Ну, хоть работа есть.

На следующий день я вышла в салон. Клиентов не было, зато с коллективом повезло. Мне с ними всегда везло, кроме одного раза — я в Макдаке работала, там просто коллектив слишком огромный был. Короче, меня девчонки учили армянскому. Это так прикольно! Они так искренне радовались, когда я учила новое слово. Так протянулась неделя. Я ходила в салон, в котором у меня пока не было клиентов, просиживала штаны, потому что здесь, в Армении, работает сарафанное радио. После России, где ты на работу приходишь под запись, вот так сидеть весь день в салоне было каторгой. Ведь можно было это свободное время потратить на что-то другое. Ну а в субботу я пошла на занятие по барабанам.

Я пришла на занятие пораньше. Меня выгоняла тишина квартиры, в которой я жила. Так не хотелось оставаться одной со своими мыслями. Музыкальная школа была уже открыта. В прошлый раз я плохо её разглядела, не так много времени было перед занятием. А в этот раз решила её познать. На стенах вдоль коридоров висели разные плакаты с саксофонами, с гитарами. Стойка администратора пустовала.

Я села на диванчик рядом с ней, проходить в комнату для чаепития мне не хотелось. И мой взгляд упал на стенд с...

там что-то было написано по-армянски, который я пока ещё так и не удосужилась начать учить. Моё любопытство взяло верх, и я подошла полистать брошюру. Там были фотографии и какие-то надписи. Я её листала, пока не наткнулась на фото Дмитрия. Даже интересно стало. Я достала телефон, открыла ИИ-чат и отправила фото на перевод. Пальцы слегка дрожали, казалось, я сейчас надыбаю запретную информацию. Ощущение было, что я шпион. Такие у меня были чувства, пока нейросеть послушно сканировала армянские буквы.

Но всё оказалось гораздо прозаичнее. Там была просто информация о достижениях и образовании педагога. Детектив из меня так себе, но уровень любопытства — Бог. И что меня зацепило: методами математических вычислений я посчитала разницу. Дмитрий, оказывается, в 2007 году окончил Питерский музыкальный колледж. А я в 2007-м училась в 9-м классе. Посчитала: он меня старше года на три. А это значит, что мой визуальный сканер определения возраста работал очень хорошо. Ему лет 35, ведь в колледж идут после 9-го и учатся три года. А ещё мы все, кто родился до 94-го, учились по программе «1–3», пропуская, а точнее, перепрыгивая 4-й класс. Ну, в общем, небольшая у нас с ним разница. 2007-й.

«Верните мне мой 2007-й», — всплыли слова популярной песни. Дурацкая, летящая из всех щелей фраза ностальгирующих миллениалов. Каждый раз, когда я слышу эту фразу

на просторах интернета, внутри всё стягивается в тугой, ледяной узел. Мне хотелось орать.

«Сука, никогда. Никогда, слышите, никогда не возвращайте мне мой две тысячи седьмой!»

Мой первый день в новой школе. Я и так всегда была застенчивая, а тут совсем ушла в себя. Потому что в моём новом классе всем было интересно, кто я, откуда. Я как-то не привыкла, что на меня обращают внимание. Ещё и учителя... Володя всегда чувствовал, когда мне тяжело или страшно, и позвонил мне в тот вечер. Его тёплый, родной голос меня успокаивал. Мы долго с ним болтали, почти целый час. Он расспрашивал меня обо всём. Как мне моя новая школа? Удалось с кем-то познакомиться? Как новые учителя? Я спрашивала у него, как ему учёба в университете? Как в общезнании? С кем он познакомился? Он спросил, гуляла ли я сегодня по городу, есть ли где-то стадион?

Потом к нам в гости приехала бабушка. Мамина мама. Я её всегда недолюбливала. Она ко мне больше всего придиралась: то посуду не так помыла, то поздно встаю. А в выходные очень хотелось поспать после учёбы. Вечно сварливая, как и мама. Она приехала к нам на месяц помочь маме по хозяйству, пока мы обустроиваемся на новом месте, а папа в командировке.

В очередной день, когда я пришла из школы и хотела немного отдохнуть, прежде чем сесть за уроки, я включила

телевизор и стала смотреть сериал. Бабушка на меня опять начала наезжать:

— Что ты телевизор смотришь? Ты уроки уже сделала? А матери помогла с уборкой?

— Я только из школы пришла, — возмутилась я.

Но пульт от телевизора уже оказался в руках бабушки, и она нажала на кнопку.

— А ну марш уроки делать, потом будешь отдыхать, — и она выключила телевизор.

Я пошла в свою комнату.

На следующий день, когда я пришла, в моей комнате были перестановки. Да и не только перестановки. Мне уже, оказывается, четырнадцать, и половину моих вещей — коллекцию фарфоровых кукол, мои поделки из слоёного теста, вышивки крестиком, вставленные в рамки и висевшие на стенах, тетрадку с моими первыми стихами и даже старого плюшевого медведя, которого сама же с дедушкой мне на день рождения когда-то подарила, — бабушка отправила в помойку. Комната встретила меня звенящей, мёртвой стерильностью. Вещи были расставлены по линейке, как в дешёвой гостинице, углы со стенами оголились, и от этого чужого, вычищенного до блеска порядка хотелось выть. Бабушка вымела из комнаты меня. Выкинула всё, что составляло мой мир. Я тихо плакала в своей комнате. И мне позвонил брат. Я ему сказала о случившемся. Он меня поддержал и сказал, чтобы в следующий раз свои поделки я дарила ему — он их обяза-

тельно сохранит.

Помню утро, когда мне не хотелось просыпаться. Почему-то было очень страшно. Но надо было вставать в школу. И я встала. Потом страшно было выходить из дома. Я как будто чувствовала те страшные новости, которые должны прийти в нашу семью. Бабушке было очень плохо, у неё стало подниматься давление, и ей пару раз вызывали скорую. Это жуткое предчувствие только нарастало с каждым разом, и мне было страшно возвращаться домой. Даже не знаю, почему. Боялась найти бабушку мёртвой?

Вечером, как обычно, мы созвонились с братом. Долго болтали. Я радовалась, что бабушка скоро уедет и перестанет наводить свои порядки в нашем доме. Но жуткое предчувствие меня не покидало, однако Володе я его озвучивать не стала — вдруг это просто моя фантазия.

На следующее утро, в день отъезда бабушки, я проснулась без этого страха. Бабушка была в хорошем настроении и хорошо себя чувствовала. Через пару часов за ней должен был приехать дедушка на машине. А папа уже в самолёте летит обратно из командировки.

Мы позавтракали втроём. На удивление, очень тепло общались и были все на позитиве.

Дедушка приехал с папой. Он забрал его из аэропорта, а теперь мы должны были пообедать, и бабушка с дедушкой поедут к себе.

Я встретила папу с дедушкой в коридоре.

— Привет, дедуль. Привет, папуль.

— Привет, внученька. Давно не виделись, — дед, как всегда на позитиве и жизнерадостный, обнял меня. Его тёплый, родной голос... Я его так обожала.

— Привет, Ир, — как-то чересчур сухо и грустно сказал отец, слишком крепко обняв меня.

— Как в командировку съездил? — спросила я отца.

— Пойдем на кухню, там всё расскажу, — очень серьёзно произнёс он и добавил: — Все должны собраться на кухне. Мне надо со всеми серьёзно переговорить.

Мы собрались.

— Вера Ивановна, лучше присядьте, у меня правда серьёзный разговор, — сказал отец очень уставшим голосом, обращаясь к бабушке, которая хотела налить всем чай.

— Я только чайку всем налью и сяду.

— Вера Ивановна, сядьте, пожалуйста. Чай подождёт, — более сердито и настойчиво произнёс отец.

Бабушка присела на стул. И единственное, что я услышала из серьёзного папиного разговора, прежде чем убежать в комнату, — он произнёс:

— У нас горе.

Я это чувствовала. Я это знала. Я задыхалась. Горло спёрло. Я сидела на диване и плакала. И слышала лишь отрывки фраз, которые до меня доносились:

— Виталик... — это брат моей мамы.

— На машине? — спрашивала бабушка.

А я продолжала плакать. Я ведь знала, я ведь чувствовала. В голове крутились мысли: «Дядя умер?»

Казалось, я так и буду задыхаться от неизвестности, но выйти на кухню и узнать, что действительно произошло, не хватало смелости. Папа зашёл ко мне в комнату — в слезах. Такой сильный, такой стойкий, даже когда руку чем-то про-ткнёт или порежет, только матюкнётся, и всё. А тут — в слезах. Боже.

— Держись, дочка. Держись, — сказал он мне.

— Дядя Виталик умер? — я у него спросила, пытаюсь унять слёзы.

— Нет, — он перевёл дыхание. — Володя, — и крепко, крепко обнял меня. — Ты теперь у нас одна.

Дальше я помню всё как в тумане. Мне казалось это всё страшным сном, что вот-вот я проснусь — и брат мой жив. Я ему позвоню. Мы опять будем долго с ним болтать. Мы ведь с ним ещё по Балашихе не погуляли. Он обещал со мной в кино сходить.

Мы зачем-то поехали на место обнаружения тела брата. Потом обратно домой. Все плакали. Мне так хотелось успокоиться, мне так хотелось, чтобы меня успокоил Володя, и мне казалось, что вот-вот он сейчас зайдёт в квартиру, спросит, почему мы все плачем. А когда узнает, что его посчитали мёртвым, он скажет: «Да вот я, живой». Все кинутся его обнимать и перестанут плакать. Но часы шли. Он не заходил. Дверь не открывал. На звонки не отвечал. Это не могло быть

правдой. Просто не могло быть правдой. Только не Володя. Ему же всего 17 лет. Господи, только не Володя.

Потом были похороны. Когда я увидела его — бледного, холодного в гробу, я зажмурила глаза, и слёзы потекли. Стало так дико больно. И в голове носилось: «Это неправда, это не он. Это не он». Я подошла к гробу. Наклонилась и дотронулась до руки, которую не узнала. Она была нереально холодной, в ней не было его тепла, той заботы, к которой я привыкла. Его руки... Он всегда меня ими крепко обнимал, когда мне было плохо. Где-то тогда проскользнула мысль, что это слишком затянувшийся кошмар.

Знаете, в детстве часто показывали фильмы, где главный герой по какой-то причине имитировал собственную смерть. И мне казалось, что мой брат так же поступил, у него была на это какая-то причина, что пришлось от всех скрыться. И вот сегодня тот самый день — он разобрался со своими обидчиками и вернётся домой. Сейчас откроется дверь, и живой Володя войдёт в квартиру.

Брат. Володя. Я до сих пор по нему скучаю. Я пережила его уже на 15 лет. Уже пятнадцать лет, как мне исполнилось 17. А когда он погиб, мне вообще было 14. Не знаю, почему именно он. Не знаю, почему он, а не я. Он был другим. Мне всегда казалось, что он больше заслуживал жизни. И там, в могиле, должна лежать я, а не он. Он мечтал, а я даже в свои четырнадцать понятия не имела, чего хочу и чем буду заниматься по жизни. Так и сейчас, ещё и в другой стране. Мне

и по сей день иногда кажется, что это был кошмарный сон, и я пытаюсь от него проснуться. Но я живу, до сих пор живу — вопреки всему. Продолжаю дышать.

Экран телефона погас, отразив моё серое, внезапно пугающее лицо. Наверное, я так и сидела, уставившись мёртвым взглядом в чёрное стекло, полностью выпав из реальности.

— Доброе утро. Готова к занятию? — тут позади меня раздался этот рычащий, пробирающий до мурашек бас.

Я вздрогнула, обернулась — у меня был взгляд как у загнанной лани, и я пролепетала:

— Доброе утро. Да.

— Хорошо, пойдём, — скомандовал он и пошёл в кабинет, а я гуськом посеменила за ним.

Он открыл дверь и пропустил меня вперёд. Джентльмен. Я быстренько проскочила мимо, положила сумку на стол.

— Присаживайся. Дома что-то делала?

Голос мой от страха стал писклявым:

— Не, я хотела уточнить. Пыталась заказать палочки, но они там разные. Какие именно нужны?

— 5В.

— А пэд? Маленький или большой?

— Возьми маленький, зачем тебе большой?

— Ну, большой просто с рисуночком, — я не стала уточнять, что там была черепушка, оно и так ежу понятно.

Дмитрий заулыбался — ну, наше женское, рисуночки:

— Берите тогда с рисуночком, чаще заниматься будешь,

— улыбаясь, закивал он.

Я заулыбалась в ответ. «Так, повезло, мой выбор пэда одобрен», — подумала я.

— Дома, я так понимаю, ничего не делала, коль ничего не купила.

— Ну, да, — немного пристыженно заулыбалась я.

— Помнишь, как палочки держать?

— Вот так, — продемонстрировала свой кривой американский замок я.

— Поворот немного не тот. Следи за руками. Правая на 15 минут смотрит, левая — на сорок пять, — он продемонстрировал, как правильно. — А теперь под счёт поочередно: правая, левая в пэд. Помнишь, как считать?

— Да, — закивала я.

— Тогда начинай.

Далее была сплошная тишина. Даже когда я ошибалась, я просто начинала сначала, а «мебель» тихонечко сидел на своём стуле.

— Хорошо, размялась. Теперь садись за барабаны.

Я встала, прошла по кабинету и села за барабанную установку.

— Помнишь, как мы в прошлый раз играли? Правой рукой в хай-хет на каждый счёт, левая — на каждые «два» и «четыре» на малый. Поехали.

Я кивнула, устраиваясь поудобнее, и начала стучать. Пра-

вая рука послушно пошла в хай-хет, отбивая ритм. Но не прошло и полуминуты, как Дмитрий меня прервал.

— Так, стоп. У правой руки не тот поворот.

Я попыталась самостоятельно повернуть руку в другую сторону, подбирая правильное положение кисти. Получалось, судя по его лицу, ещё хуже.

Дмитрий подошёл ближе, замер, как-то забавно переступив с ноги на ногу, и почесал затылок.

— Эээ... — неловко протянул он, глядя на мои страдания.

— Можно я поверну? Ну, чтобы показать, как надо.

Я аж моргнула от неожиданности. Ого, манеры. Правду говорят про металлистов: они только с виду страшные, а внутри плюшевые. А этот так совсем «экологичный», уважает чужие границы.

— Да, давайте, — тихо ответила я.

Дмитрий облегчённо выдохнул и аккуратно, едва касаясь пальцами, взял меня за запястье. Его ладонь была огромной, горячей и на удивление бережной. Он чуть повернул мою кисть параллельно полу, показывая правильный угол, и сразу же отступил назад.

— Вот так, — увереннее буркнул он, возвращаясь на свой стул.

Я опять начала играть, следя за кистью.

— Хорошо, а теперь ещё добавим бочку. В прошлый раз я тебе её не показал, а в этот раз объясню. Значит, играем так: мы зажимаем бочку носком, а пятку чуть-чуть припод-

нимаем, — он продемонстрировал на своей ноге, — далее мы приподнимаем ногу и отрываем носок.

Мои выпученные глаза явно говорили о том, что я вообще не поняла, как правильно эту бочку играть. Чуть-чуть пятка кверху, поднять вверх, оторвать носок? «Что это за мясо?» — но я промолчала, пытаюсь сообразить. Мой «пентиум второй» явно не грузил эту программу. «Установка не пройдена. Начать процесс заново?» — так и хотелось мне это выпалить, но я сидела, набрав в рот воды, и пыталась как-то сообразить.

— Дальше мы резко опускаем ногу, но пятку в пол не ставим. Ты не поняла, да?

Я закивала.

— Так, давай ещё раз. Смотри внимательно, как я это делаю. Сначала делаем на полу, не на педали. Ставим ногу на носок, пятка слегка приподнята, до пола не дотрагивается, — и он указал на расстояние между пяткой и полом, — вот на столько всего поднимаем, — там был буквально миллиметр. — Потом поднимаем ногу слегка вверх и отрываем носок, потом резко вниз, но пяткой пола не касаемся. Попробуй сама сделать.

Я убрала ногу с педали бочки на пол и попробовала повторить то, что так усердно мне тут объяснял Дмитрий. Задача была не из лёгких.

Он наклонился, пытаюсь рассмотреть, что я там делаю своей ногой.

— Так, смотри внимательно, ещё раз, — и он повторил свои слова с демонстрацией.

На какой-то раз вышло что-то более-менее подобное, и он сказал:

— Хорошо, а теперь попробуй на бочке.

Но на бочке это не прокатило. И он опять стал мне это объяснять. «Жесть», — подумала я.

— Ладно, бочка не всем даётся сразу, ещё научишься правильно играть. Но примерно поняла да, как это делать?

— Ну, вроде, — промямлила я.

— Тогда давай поиграешь самые простые барабанные биты. Я тебе сейчас поставлю ноты, чтобы ты по ним смотрела и следила. Ты ноты знаешь?

— Нет, — опять приподняв брови, посмотрела на него.

Он объяснил, какая нота что означает и на какой нотной линейке пишется. И я начала играть первый бит из двадцати нарисованных на листке, который он поставил на пюпитр. Ошибалась, начинала сначала. А он сидел и молчал. Так продолжалось минут двадцать, пока, видимо, ему не стало скучно. Когда я в очередной раз ошиблась, он у меня спросил:

— А ты где собираешься палочки с пэдом заказывать?

— На ВБ, — не ожидая подвоха, ответила я.

— У врагов, значит?

В моей голове пронеслась недавняя история, как «Озон» задержал мои последние три заказа, и я опоздала с подарками на др своим друзьям, поэтому ответила как есть:

— Ну, Озон — это подстава.

Он заулыбался, и опять последовал этот дурацкий вопрос:

— Ну, ты же понимаешь, что это юмор?

«Не поняла, как и в прошлый раз. При чём тут юмор?»

— выпучила я глаза и молчала. Ну разве ему можно было нагубить? А так хотелось. Но я лишь мило улыбнулась. Ну типа, понимаю.

— Попробуй теперь второй бит поиграть. Видишь, в чём там разница?

— Да, бочка идёт на счёт «один-и», «три-и».

— Правильно, теперь попробуй.

Оставшиеся пятнадцать минут я мучила этот второй бит, который мне вообще никак не хотел даваться.

— Ну всё, занятие окончено. Я тебе вышлю эти биты в Телеграм. Дашь мне свой ТГ?

— Угу, — закивала я, поднимаясь из-за барабанной уставки и идя к своей сумке. Я достала телефон, открыла штрихкод в ТГ и протянула экран ему. Он его отсканировал.

— Всё, отлично, нашёл. Сегодня пришлю, будешь дома заниматься. Надеюсь, купишь свой пэд с рисуночком и палочки к следующему занятию.

— Постараюсь, — ответила я.

— Хорошо, до следующего занятия, — он встал, открыл передо мной дверь и пропустил меня вперёд, а сам пошёл за следующим учеником.

Я пошла домой. Всю дорогу я только и делала, что напря-

гала мозга, пытаюсь сообразить, как заставить эту несчастную бочку звучать. В голове крутилась Димина инструкция: «пятку приподнять, носок оторвать, пятку в пол не опускаем, ловим миллиметраж». Мой «пентиум второй» перегревался от этих схем и намертво зависал.

Уже у себя дома я плюнула на всё, закинула сумку в угол, врубила свой любимый металчик «качненькое» и расслабилась за кружечкой кофе. Позволила своему телу просто поймать ритм. Пошла волна, я начала качаться всем телом и... сама не заметила, как правая нога на автомате принялась чётко и ритмично вколачивать в пол невидимый бас-барабан. Ровно на каждый счёт. Легко, пружиня на носке и вообще не задумываясь о миллиметрах.

И тут меня осенило! А вот это движение — это не то же самое, что мне так усердно пытались объяснить весь урок? Я проанализировала движение. Точно оно! И меня аж смех пробрал.

Вспомнилась эта старая шутка из нулевых: «Знаете, почему все металлисты такие нервные? Потому что, когда включается музыка, они начинают бешено дёргать ногами». Нас вечно в школе или в метро донимали: «У тебя что, нервный тик? Чего ты ногой трясёшь?». Короче, ребят, лайфхак: если что, мы все в бочку играем.

Я на секунду замерла от озарения и мысленно спросила у своего препода: «Бля, Дим, ты не мог нормально объяснить? Мозг всё занятие выносил. Любитель нулевых. Сказал

бы просто: ну ты же метал слушаешь, нервный тик вруби, ты на приёме у гинеколога, Станиславский наблюдает. Юмор у него, блин. Вообще не въезжаю в его юмор. А я уже старой стала себя считать, что мои мозги ничего не понимают».

Правда, этот веселый запал быстро прошел. Я в чужой стране, и реальность была паршивой.. Моя работа мастером маникюра катилась к чертям: клиентов не было, сидеть целыми днями в пустом салоне или в четырех стенах съёмной квартиры стало невыносимо. Каждый вечер, стоило мне остаться совсем одной, меня накрывало по полной — накрывали удушливые панические атаки перед сном. Чтобы просто не сойти с ума от этой мысленной жвачки и занять себя хоть чем-то, я пошла на подработку клинером. Убирать чужие квартиры, до одури отмывать чужую грязь — это был единственный способ выключить голову через физическую усталость. В те моменты мне безумно хотелось сдаться, на всё плюнуть и вернуться домой.

В общем из всех развлечух, способных хоть как-то удерживать меня на плаву и переключить мозги, у меня были только мои занятия на барабанах. А в остальном — полная нудятина. Так что расскажу, как у меня прошли ещё несколько уроков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.